

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.2.13>

UDC 930.26(470.323):903.22
LBC 63.48(2Рос-4Кyc)-411

Submitted: 09.09.2022
Accepted: 11.11.2022

BURIAL WITH WEAPONS AT THE BURIAL GROUND OF THE CHERNYAKHOV CULTURE DAL'NIY (VYDRIN) IN THE KURSK REGION

Oleg A. Radyush

Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Aleksandr A. Vasil'ev

Independent Researcher, Moscow, Russian Federation

Abstract. For the first time, the article introduces into scientific circulation the materials obtained during the excavations of the Dal'niy (Vydrin) soil burial ground in the Bolshesoldatsky district of the Kursk region (the upper reaches of the Sudzha River – the left-bank basin of the Dnieper). In the course of research in 2021, a burial of a man of 35–40 years old was discovered, accompanied by a large amount of pottery, a glass goblet and weapons. The article provides a detailed description of the burial and grave goods, which included 16 vessels (pots, bowls, a jug, a vase, pottery and glass goblets, two brass buckles, a brass fibula, an armchair, an amber mushroom-shaped pendant, a whip part, a cutout blade in a sheath with a belt ring. The data of the anthropological examination of the remains carried out by Irina Reshetova (the Institute of Archeology, Russian Academy of Sciences) demonstrating a physically developed male subjected to regular physical exertion and constant horse riding, which formed a complex of individual signs and features. The blade was placed at the head of the buried individual; due to preservation of the organic matter it was possible to identify it as a dagger in a wooden sheath made from a fragment of a Damascus steel sword with a complex pattern on the blade, the scabbard was suspended using a simple ring with a bracket. These observations introduce new important data into the discussion about the functional purpose of a category of finds widespread in Europe mainly related to the 4th – 5th centuries. Taking into account the traditions of the Chernyakhov funeral rite, the buried individual can be attributed to representatives of the military nobility. As a result of a detailed typological analysis of chronological indicators from the burial, and primarily buckles and a glass goblet, the authors have come to conclusion that the burial date is later relative to the chronology of Chernyakhov antiquities, most likely within late 4th century – early 5th century. The representative of the tribal nobility, as well as some other individuals buried in the burial ground, could have been serving in the court of highest nobility representatives in the barbarian society of the area. In the immediate vicinity of the necropolis, there is a unique single “princely” burial in the village of Bol'shoy Kamenets (known in the literature as the so-called “Starosudzhansky (Old Sudzha) treasures” of 1918/1927). For the present, the discovery of a military burial of such level with weapons and rich inventory is unique for the Dnieper left-bank area of the Chernyakhov culture.

Key words: Chernyakhov culture, weapons, late antique glass, late Roman times, great migration period, funeral rite, burial ground.

Citation. Radyush O.A., Vasil'ev A.A., 2022. Pogrebenie s oruzhiem na mogil'nike chernyahovskoy kul'tury Dal'niy (Vydrin) v Kurskoy oblasti [Burial with Weapons at the Burial Ground of the Chernyakhov Culture Dal'niy (Vydrin) in the Kursk Region]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 21, no. 2, pp. 208-242. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.2.13>

УДК 930.26(470.323):903.22
ББК 63.48(2Рос-4Кyc)-411

Дата поступления статьи: 09.09.2022
Дата принятия статьи: 11.11.2022

ПОГРЕБЕНИЕ С ОРУЖИЕМ НА МОГИЛЬНИКЕ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ДАЛЬНИЙ (ВЫДРИН) В КУРСКОЙ ОБЛАСТИ

Олег Александрович Радюш

Институт археологии РАН, г. Москва, Российская Федерация

Александр Александрович Васильев

Независимый исследователь, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье впервые вводятся в научный оборот материалы, полученные в ходе раскопок грунтового могильника Дальний (Выдрин) в Большесолдатском районе Курской области (верховья реки Судже – левобережный бассейн Днепра). В результате исследований в 2021 г. было открыто погребение мужчины 35–40 лет, сопровождаемого большим количеством гончарной посуды, стеклянным кубком, оружием. В статье приводится подробное описание погребения и погребального инвентаря, включавшего 16 сосудов (горшки, миски, кувшин, вазу, гончарный и стеклянный кубки, две латунные пряжки, латунную фибулу, кресало, янтарную грибовидную подвеску, деталь от нагайки, клинок с вырезами в ножнах с деталью подвеса). Публикуются данные антропологического обследования останков, проведенного И.К. Решетовой (ИА РАН), которые демонстрируют физически развитого мужчину, подвергавшегося регулярным физическим нагрузкам и постоянной езде на коне, сформировавшей комплекс признаков всадника. Клинок, размещенный в изголовье, благодаря сохранности органики позволяет реконструировать его как кинжал в деревянных ножнах, изготовленный из обломка меча из дамаскированной стали со сложным узором на лезвии. Подвешивание ножен осуществлялось с помощью простого кольца со скобой. Эти наблюдения вносят новые важные данные в дискуссию о функциональном предназначении широко распространенной в Европе категории находок, относящейся в основном к IV–V векам. Учитывая традиции черняховского погребального обряда, погребенного можно отнести к представителям воинской знати. В результате подробного типологического анализа хроноиндикаторов из погребения, в первую очередь пряжек и стеклянного кубка, авторы приходят к выводу о поздней дате захоронения относительно хронологии черняховских древностей, по всей видимости в рамках конца IV – рубежа IV/V веков. Представитель племенной знати, как и некоторые другие погребенные на могильнике люди, мог быть связан с обслуживанием двора представителей высшей знати варварского общества в регионе. В непосредственной близости от некрополя расположено уникальное одиночное «Княжеское» погребение в д. Большой Каменец (в литературе известное как так называемые Старосуджанские клады 1918/1927 гг.). Для днепровского левобережного ареала черняховской культуры находка воинского погребения подобного уровня с оружием и богатым инвентарем является на данный момент уникальной.

Ключевые слова: черняховская культура, оружие, позднеантичное стекло, позднеримское время, переселение народов, погребальный обряд, грунтовый могильник.

Цитирование. Радюш О. А., Васильев А. А., 2022. Погребение с оружием на могильнике черняховской культуры Дальний (Выдрин) в Курской области // Нижневолжский археологический вестник. Т. 21, № 2. С. 208–242. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.2.13>

На значительной части лесостепного левобережья Днепра и в верховьях Северского Донца помимо многочисленных поселений выявлены и десятки могильников черняховской культуры (рис. 1), известны более 70 могильников и отдельных погребений. За последние 20 лет были введены в научный оборот крупные могильники, исследованные в 1960–1980-х гг. (Успенка, Боромля, Компанийцы) [Некрасова, 2006]; проводились раскопки на новых могильниках Шишаки, Зачепиловка на левобережье Днепра, в Сумской, Полтавской и Харьковской областях [Любичев, Мызгин, 2014, с. 64–67; Гейко и др., 2016, с. 140–147]. Наиболее исследованным памятником в настоящее время (более 250 погребений) является могильник Войтенки в Валковском районе Харьковской области, исследования которого продолжает Германно-Славянская экспедиция М.В. Любичева (ХГУ им. В.Н. Каразина).

Исследования погребального обряда второй четверти I тыс. н.э. на северо-восточной окраине черняховской культуры до недавнего времени находились на начальном этапе. Поиски могильников этого периода специально велись начиная с послевоенного времени, но значимых результатов в регионе до 2010-х гг. не было получено¹.

При работах на поселении Головино 1 в Белгородской области в 1980-х гг. была открыта зона с несколькими довольно богатыми находками кремациями и одной разрушенной ингумацией, относящимися к черняховскому периоду [Обломский, 2001–2002]. После 2005 г. были открыты многочисленные крупные черняховские долговременные поселения в Посеймье, продемонстрировавшие активное освоение населением черняховской культуры северных рубежей днепровской лесостепи [Радюш, 2010; 2015; 2017; 2018]. С этого же времени на-

чался систематический поиск связанных с ними погребальных памятников. В 2008–2013 гг. обнаружены первые погребения могильника у поселения Пены (пос. им. К. Либкнехта) [Радюш, 2011]. В 2017 г. найдены следы кремаций у поселений Дальний (Выдрин) и Заломное в Большесолдатском районе, а также у поселения Дичня в Курчатовском районе Курской области [Радюш, 2019, с. 121].

Таким образом, всего на территории Белгородской и Курской областей выявлено 6 могильников (Головино, Пены, Выдрин, Дичня, Замощанская дюна, Заломное)². Большинство погребений, содержащих датирующий инвентарь, определяются временем развитой черняховской культуры, то есть второй – четвертой четвертью IV в., в отдельных случаях заходя в начало V в. (фазы C3–D1, начало D2 в принятой системе центральноевропейской хронологии) [Любичев, 2019, Т. 1, с. 184–190]. Географическое расположение известных черняховских могильников на левобережье Днепра позволяет отнести их к двум типам: наиболее распространены расположенные на склоне коренного берега на поселении либо в редких случаях в пойменной части вблизи поселения (Зачепилровка, Дичня, возможно Замощанская дюна). Известные могильники в регионе обычно биритуальные.

Несомненно, следует также отметить сравнительно плотное скопление погребений высшей знати, относящихся к финалу черняховской культуры и началу эпохи Великого переселения народов в Курском Посемье (Обоянский клад 1849 г. (Паники), «Старосуджанские клады» 1918/1927 гг. (Большой Каменец), Волниковский «клад» 2010 г.). Все они представляют собой одиночные погребения, совершенные скрытно, вдали от обычных некрополей, и сопровождающиеся престижными предметами [Мацулевич, 1934; Радюш, 2014а]. Именно в связи с наиболее близким расположением к богатейшему из этих захоронений в Большом Каменце были начаты исследования на поселении Дальний (Выдрин). Оно расположено в 1,3 км от места обнаружения склепа на берегу того же ручья Каменец при впадении в реку Суджа в верхнем ее течении. В 2013–2021 гг. была исследована значительная площадь (более 4 000 кв. м), обнаружены объекты, связанные с несколькими

горизонтами освоения территории, начиная со срубной культуры эпохи позднего бронзового века [Радюш, 2015, с. 18–25]. На поселении выявлен слой и находки, относящиеся к так называемой киевской культуре и связанные с вещами круга выемчатых эмалей, ряд заглубленных построек относится к раннечерняховскому горизонту второй половины III – начала IV в. [Любичев, 2019, т. 1, с. 182–184]. Значительная часть объектов и находок относятся к развитому этапу черняховской культуры – второй – четвертой четверти IV века. На основном раскопе найдены постройки и горны, связанные с ювелирным производством этого периода [Радюш, 2019], что позволило отнести памятник к нерядовым поселениям.

В ходе регулярных наблюдений за распаханым полем в 2017 г. были найдены обломки вторично обожженной круговой посуды, пережженные сердоликовые бусины, оплавленные обломки фибул и поясных пряжек, шильца, ножи. Площадь распространения вещей на поверхности составила около 1 га. В 2017–2019 гг. В.Г. Бездудным и М.Я. Кацем было выполнено геофизическое обследование района выявления остатков кремаций на площади до 2 га, были прослежены аномальные участки в нижней части поля. В 2019 г. по их результатам заложен раскоп площадью до 132 кв. м, в котором были обнаружены первые два заглубленные в материк погребения. В 2020 г. работы продолжились на площади до 240 кв. м, где были открыты еще 6 захоронений по обряду трупоположения. Последние на данный момент раскопки прошли в 2021 г., открыты 12 погребений с трупоположениями.

В общей сложности в 2019–2021 гг. была вскрыта площадь 1 564 кв. м (рис. 2). Все открытые погребения совершены по обряду трупоположения и отличаются деталями и набором погребального инвентаря. Наиболее бедными являются неглубокие погребения, располагавшиеся фактически под пахотным слоем и в ряде случаев разрушенные при распахке. Они сопровождалась одним-тремя сосудами, фибулами, пряжками. Среди погребенных есть как взрослые мужчины и женщины (погр. 9, 11, 20), так и дети (погр. 5, 10)³. К следующей группе можно отнести захоронения в слабо заглубленных в материк ямах, сопровождающиеся несколькими (5–7) гончарными сосудами, гребнями, фи-

булами, бусами, ножами, встречались останки жертвенных животных. К этим захоронениям относятся женские (погр. 2, 3) и детское (погр. 7). В третьей группе – захоронения в ямах овальной формы средней глубины (до 1 м от материковой поверхности). Обычно они содержали большое количество сосудов (7–9), гребни, фибулы, пряжки, бусы, ножи, кресала. К ним относятся мужские (погр. 8, 15, 19) и женские (погр. 16, 18) погребения. Погр. 16 выделяется редкой разновидностью обряда, где погребенная лежала на боку в «идущей» позе. Четвертую группу составляют наиболее заглубленные ямы с несколькими «ступеньками», обычно с восточной стороны. Это женские могилы (погр. 1, 6, 14), а также мужские (погр. 4, 12). Для этих погребений характерна сложная конструкция ям, которые близки к прямоугольной форме и имеют значительные размеры. Погребенные сопровождалась полным «пиршественным» сервизом от 9 до 16 сосудов. Особые ритуалы, связанные с «вторичными» погребальными обрядами, выявлены в двух погребениях, вскрытых и разрушенных после захоронения. В одном случае (погр. 13) от захоронения, совершенного в очень большой по размеру яме, на дне найдены лишь два пряслица, во втором (погр. 17) сохранились кости правой руки *in situ* и часть черепа с многочисленными обломками различных круговых сосудов (в том числе фрагментом венчика вазы типа Лепесовка), гребнем, пряжками. Практически все погребенные были ориентированы головой на север или северо-запад. В целом планиграфия исследованного участка могильника демонстрирует определенную рядность захоронений и группировку наиболее «богатых» из них в центральной части. Погр. 12, публикуемое в настоящей статье, расположено практически в самом центре исследованной площади (рис. 3).

Погр. 12, открытое в 2021 г., было совершено в большой яме сложной конструкции с размерами по верхнему контуру 240 × 210 см (рис. 4, 5). В восточном и северо-восточном углах расположена широкая ступенька высотой до 80 см. Общая глубина ямы от материковой поверхности 165 см, от современной дневной поверхности до 220 см. Форма ямы подпрямоугольная, с большим выступом в северо-восточном углу. В западной стенке ближе к полу выкопан небольшой подбой, в котором находились некоторые вещи.

Кости скелета располагались в анатомическом порядке, голова ориентирована на север – северо-запад. Погребенный лежал на спине с вытянутыми вдоль тела руками. Череп откинут назад, нижняя челюсть сместилась к левой ключице (рис. 4). Сохранность костей средняя и выше среднего, скелет представлен всеми отделами. Согласно антропологическому определению, в погр. 12 захоронен мужчина 35–40 лет. Кости массивные, очень крупные, акцентированы места прикрепления мышц. Выявлены энтезопатии мышц пояса верхних конечностей; заживший диагональный перелом левой большеберцовой кости; периостальные реакции на диафизах костей голени; дополнительные фасетки в области шейки бедренных костей. Часть этих признаков следует отнести к комплексу всаднических травм. Кроме того, выявлены и другие прижизненные патологии: остеофиты бедренной и большеберцовой костей (в области коленного и голеностопного суставов); остеофиты поясничного отдела позвоночника, двусторонние хрящевые грыжи (узлы Шморля) 11-го и 12-го грудных позвонков.

В целом антропологическая характеристика позволяет говорить о погребенном как о крупном высоком мужчине с очень хорошо развитой мускулатурой, комплексом признаков всадника, регулярно испытывающем значительные физические (двигательные) нагрузки⁴.

Сопровождающий инвентарь многочисленный и включал различные категории: круговую и стеклянную посуду, личные вещи, оружие, кавалерийское снаряжение. К востоку от левой плечевой кости находились останки жертвенного животного (практически полный скелет) с железным ножом, очевидно воткнутым при помещении в могилу в мясо. Под костями животного были найдены два кубка – обломки кругового чернолощеного и целый стеклянный, а также круговая миска. Остальные круговые сосуды в основном стояли к востоку от скелета. Две миски и горшок – в изголовье, на небольшой материковой ступеньке. Под левой стороной тела в районе таза и лучевых костей руки под скелетом находилась крупная чернолощенная миска, рядом с ней – развал массивной чернолощеной вазы диаметром около 50 см. Ниже, рядом с ней, расположены три миски и горшок. Под берцовыми

костями находилась еще одна миска. Возле пяточных костей левой ноги в подбое находился массивный широкогорлый кувшин. Всего покойного сопровождали 15 круговых сосудов (1 ваза, 1 кувшин, 1 кубок, 8 мисок, 4 горшка) и 1 стеклянный кубок⁵:

А. Горшок округлобокий на плитчатом кольцевом поддоне с расширением тулова в верхней части и коротким, почти вертикальным венчиком (рис. 8,А). Высота 15,2 см, диаметр тулова 17 см, венчика – 12 см. Изготовлен из грубого теста с примесью песка.

Б. Миска закрытого профиля с коротким вертикальным венчиком на кольцевом поддоне. Поверхность чернолощенная. Выраженное ребро декорировано косыми каннелюрами (рис. 8,Б). Диаметр тулова 20 см, венчика – 17 см, высота 8,2 см.

В. Горшок округлобокий, на плитчатом поддоне, с расширением тулова в средней части и коротким, слабо отогнутым венчиком (рис. 8,В). Высота 17,5 см, диаметр тулова 16,5 см, венчика – 12,8 см. Изготовлен из грубого теста с примесями песка.

Г. Миска закрытого профиля, с коротким, слабо отогнутым венчиком, на кольцевом поддоне (рис. 8,Г). Поверхность чернолощенная. Выраженное ребро украшено косыми каннелюрами, под венчиком неглубокая широкая канавка. Диаметр тулова 24,5 см, венчика – 2,15 см, высота 10,5 см.

Д. Миска открытого профиля с коротким венчиком, отогнутым под 45° наружу, на кольцевом поддоне. Тулово цилиндрическое, нижняя часть выпуклая (рис. 8,Д). Поверхность серолощенная. Диаметр тулова 16,8 см, высота 4,3 см.

Е. Миска с открытым профилем тюльпановидного типа (рис. 8,Е), венчик удлиненный высокий, слабо отогнутый наружу, ребро тулова небольшое, округлое в профиле, на кольцевом поддоне. Поверхность чернолощенная. Диаметр тулова 20,5 см, венчика – 20 см, высота 7,8 см.

Ж. Миска с закрытым S-видным профилем, коротким, слабо отогнутым наружу венчиком, на плитчатом поддоне (рис. 8,Ж). Поверхность черно- и серолощенная. Диаметр тулова 20,5 см, венчика – 18,5 см, высота 7,8 см.

З. Миска с открытым S-видным остро-реберным профилем, венчик короткий, отогну-

тый под 45° наружу, поддон кольцевой (рис. 8,З). Поверхность серолощенная. Диаметр 24 см, высота 9,7 см.

И. Горшок округлобокий на плитчатом кольцевом поддоне с расширением тулова в средней части и коротким, слабо отогнутым венчиком (рис. 8,И). Высота 15,5 см, диаметр тулова 17,5 см, венчика – 12,2 см. Изготовлен из грубого теста с примесью песка.

К. Горшок округлобокий на плитчатом кольцевом поддоне с расширением тулова в средней части и коротким, слабо отогнутым венчиком (рис. 8,К). Высота 14,5 см, диаметр тулова 15 см, венчика – 11 см. Изготовлен из грубого теста с примесью песка.

Л. Кубок пиаловидной формы с небольшим отгибом короткого венчика наружу (рис. 7,Л). Поверхность чернолощенная, декорирована точечным орнаментом в виде многолучевой розетки. Найден в мелких фрагментах. Реконструируемый диаметр около 12 см, высота 6,8 см.

М. Кувшин с высоким широким горлом и биконическим корпусом на кольцевом поддоне (рис. 7,М). Рукоять Г-образная, прямоугольная в сечении, крепится на тулово и к венчику. Венчик короткий, сильно отогнутый наружу. Поверхность неравномерно серо- или чернолощенная, декорирована линейным орнаментом в виде треугольников, разделяющих 11 фасеток по тулову и ребру. Ниже венчика на уровне крепления рукояти декоративный валик, украшенный мелкими косыми каннелюрами. Диаметр тулова 27,5 см, венчика – 12 см, высота 32,5 см.

Н. Миска с открытым профилем, коротким, сильно отогнутым наружу венчиком, на кольцевом поддоне. Тулово цилиндрическое, нижняя часть корпуса выпуклая (рис. 7,Н). Поверхность серолощенная. Диаметр 24 см, высота 9,8 см.

О. Миска с закрытым, слабо выраженным S-видным профилем, венчик короткий, слабо отогнутый наружу, тулово слабо расширено по ребру, поддон кольцевой (рис. 7,О). Поверхность серолощенная. Диаметр тулова 12 см, венчика 11,7 см, высота 6,1 см.

П. Ваза с закрытым профилем, с коротким вертикальным венчиком, на плитчатом поддоне. Поверхность чернолощенная. Выраженное ребро декорировано косыми каннелю-

рами (рис. 9). Диаметр тулова 45 см, венчика 35 см, высота 30 см.

Р. Кубок стеклянный, изготовлен из прозрачного стекла желтовато-зеленого цвета (рис. 7,Р). Имеет короткий венчик, отделенный от корпуса узкой неглубокой декоративной канавкой. Стенки плавно сужаются к нижней четверти формы, где переходят в полукруглое дно. Поверхность украшена двумя рядами овалов, по шесть в каждом, верхний состоит из более крупных вытянутых вертикально овалов, нижний – из меньших по размеру и более округлых. Диаметр кубка 8,5 см, высота 8,5 см.

Индивидуальные находки. С правой стороны от шейных позвонков найдена янтарная грибовидная подвеска с отверстием для подвешивания в верхней части. Высота 2 см, ширина 1,1 см, толщина 0,4 см (рис. 5,5). К востоку от черепа был найден железный клинок «с вырезами», лежавший на невысоком материковом выступе острием на север. Сечение лезвия шестигранное уплощенное с двумя парными симметричными вырезами, сделанными у основания черена. Длина 38,5 см (из них черен 8,5 см), ширина клинка 4,3 см, ширина черена 1,5 см у основания, глубина вырезов 1 см, ширина 0,4 см (рис. 6). Недалеко от него, на склоне выступа, найдено латунное кольцо со скобой, вероятно относящееся к креплению ножен. Кольцо диаметром 2,8 см, в сечении $0,3 \times 0,1$ см. На корпусе его располагалась небольшая омеговидная скобка из тонкой латунной пластины размером $1,5 \times 1,5$ см (рис. 5,10).

К западу от черепа у стенки подбоя находился костяной гребень. Конструкция его составная трехслойная с небольшой полукруглой выделенной спинкой. Изготовлен из 6 роговых пластин с зубцами и двух наружных накладок из кости, скрепленных между собой 6 заклепками из латунных трубочек (рис. 5,1). Ширина 9,5 см, сохранившаяся высота 4,5 см (реконструируемая – 5,5 см), толщина 1,2 см. Наружная поверхность накладок по нижней кромке декорирована двумя неглубокими продольными канавками. В районе локтя правой руки найдены фрагменты от костяной игольницы из трубчатой кости и две бронзовые иглы длиной 5 и 4 см (рис. 5,6,7). По обе стороны от правой лучевой кости находились две латунные калачевидные пряжки, рядом с ними

прослеживались следы тлена в виде небольшой полосы, вероятно относящиеся к кожаной основе ремня. Пряжки несколько отличались в деталях оформления. Одна из них овальная «калачевидная», в сечении наружные поверхности рамки были подграненные. Язычок клювовидный, сужающийся к окончанию, сильно загнутый. Размер рамки $2,5 \times 2,1$ см, диаметр до 0,7 см (рис. 5,2). Вторая пряжка овальная по форме с «калачевидной» рамкой, округлой в сечении. Язычок клювовидный, сильно загнутый. Размер рамки $2,5 \times 2$ см, толщина 0,6 см (рис. 5,3).

К западу от руки также найдены кусок кремневого отщепа размером $3 \times 3,5 \times 1,2$ см (рис. 5,8) и железное кресало. Кресало железное пластинчатое с небольшой петлей для подвешивания. Длина 8,5 см, сечение $0,8 \times 0,5$ см (рис. 5,9). Почти у стенки подбоя найдена небольшая фибула. Застежка «воинского» типа миниатюрных размеров, изготовлена из латунного сплава. Спинка короткая слабоизогнутая, подтреугольная в сечении, ножка-иглоприемник с двумя подквадратными площадками, на поверхности которых слабо прослеживается сетчатый орнамент. Длина 3,2 см, ширина 3 см, ширина спинки 0,5 см (рис. 5,4). Возле правой пяточной кости обнаружена железная обойма от плети. Находка имела биконическую форму, наружный диаметр 2,1 см, внутренний 1,1 см, высота 2,1 см (рис. 5,11).

Среди костей жертвенного животного найдены небольшой железный нож с коротким пластинчатым хвостовиком, на котором сохранились следы деревянной рукоятки. Длина 13 см, ширина 2 см, толщина обушка 0,3 см (рис. 5,12).

Датировка погребального инвентаря

Рассматривая вопрос с хронологией комплекса, необходимо в первую очередь обратиться к редкой находке стеклянного кубка со шлифованными овалами.

В настоящий момент нам известно 10 достаточно близких аналогий данному кубку (рис. 11), которые, по выражению Гюнтера Рау, образуют «небольшую, но важную группу археологических форм» [Рау, 1975b, S. 140]. Это кубки из Боррбю (Borrby, регион Сконе, Швеция, случайная находка), Родал (Rådal, Остфолд, Норвегия, случайная находка), Миор-

кань, погр. 1 (Miorgani, Запрутская Молдова, Румыния), Текуч, погр. 8 (Тесусі, Запрутская Молдова, Румыния), Барча, погр. 23 (Варсеа, Запрутская Молдова, Румыния), Никитень, погр. 18 (Nichiteni, Запрутская Молдова, Румыния), Лазо, погр. 36 (Молдавия), Оселивка (Буковина, Украина), Войтенки, погр. 86/2, а также неопубликованная находка из погр. 271 (2021 г.)⁶ того же могильника (Харьковская обл.).

Для всех этих сосудов характерно прозрачное стекло с желтовато-зеленым (оливковым) оттенком. Стенки толщиной 3–5 мм по венчику и от 11 мм у дна. Под венчиком шлифована, как правило, одна горизонтальная линия (реже – две), а ниже по корпусу размещается ряд вертикальных и отдельно стоящих овальных фасеток, ниже которого – ряд небольших круглых (реже – горизонтально расположенных овальных) фасеток. Еще одна круглая фасетка шлифована на дне и образует кольцевой поддон, на котором сосуд может стоять на ровной поверхности.

Эти массивные сосуды имеют сравнительно небольшую высоту, которая колеблется в основном в пределах 7,5–9,6 см, диаметр устья 8–8,6 см. Несколько меньшими размерами (h – 6,6 см) отличается экземпляр из Никитень. Высота может равняться диаметру устья (как у представленного экземпляра из хут. Дальнего и сосуда из Родал), несколько превосходить (например, Боррбю, Лазо) либо, напротив, также незначительно уступать диаметру (например, Миоркань, Оселивка).

Таким образом, помимо пары скандинавских находок (возможно, в регионе есть и другие аналогии, но степень их близости нуждается в уточнении), выделяется зона концентрации в Пруто-Днестровском регионе (по два экземпляра на севере и юге правобережья Прута, один на левобережье Прута и находка из прилегающей территории из Буковины) и на Слобожанщине (3 экземпляра, включая 2 на одном могильнике).

Датировки этих кубков, приведенные в специальных исследованиях Г. Рау [Rau, 1972; 1975a; 1975b; 2008], Э. Штрауме [Straume, 1987] и У. Лунд Хансен [Lund Hansen, 1987], предложены, исходя из общих оснований, без детального рассмотрения непосредственно данной категории находок и сопровождающего их инвентаря. Во многом это объясняется

тем, что на момент публикации этих обобщающих работ находки подобных сосудов были единичны. Однако за последующие десятилетия ситуация в этом отношении изменилась.

Точную датировку этих сосудов затрудняет, во-первых, неясное до конца типологическое соотношение с кубками из княжеских погребений Сакрау / Закшув II и Варпелев А, а также аналогичными по форме тонкостенными сосудами, а во-вторых, отрывочность сведений о составе большинства комплексов, в которых они были найдены.

Рассмотрим типологические определения известных на сегодня кубков и сопровождающий их инвентарь, выразительный в хронологическом отношении.

Боррбю (рис. 10,1). Кубок был найден вне контекста. Как уже говорилось, его отличают более вытянутые пропорции (высота превышает диаметр устья), тулово сосуда цилиндрическое. Эти морфологические особенности сближают экземпляр из Боррбю с кубками Е 230 (особенно с толстостенными экземплярами – ср.: [Rau, 1972, S. 122, fig. b, c]).

У. Лунд Хансен отнесла данный кубок к группе Е 228-30 и датировала в рамках С2–С3 (260–350/360 гг.) [Lund Hansen, 1987, S. 449]. Е. Штрауме благодаря вытянутым пропорциям отнесла сосуд из Боррбю к кубкам типа ІВ3. Тип І соответствует типу 230 по номенклатуре Эггерса, а вариант В объединяет сосуды с тщательно нанесенными, более глубокими фасетками, как правило более толстостенные. Датировается он в рамках С3–D1 (325–410 гг.) [Straume, 1987, S. 30, Abb. 5, Pl. 4, Kat. 59].

В работе 2008 г. Г. Рау включает кубок из Боррбю в тип Варпелев, который, согласно автору, датировается первой половиной IV в., а в середине века сменяется типом Ковалк, существующим во второй половине столетия [Rau, 2008, S. 222]. В каталоге находок этот кубок помещен под № 8 и датирован серединой IV века [Rau, 2008, S. 226].

Родал (рис. 10,9). Кубок найден вне контекста. Е. Штрауме отнесла сосуд из Боррбю к кубкам типа ІВ3 [Straume, 1987, S. 30, Kat. 152], однако учитывая, что диаметр по венчику равен высоте, то по своим пропорциям он должен занимать промежуточное место между собственно кубками и чашами, то есть сосудами, у которых диаметр превышает высоту.

К тому же типу IB3 исследовательница отнесла еще один кубок – случайную находку из Химлингое (Himlingøje, о. Зеландия, Дания). Однако он заметно отличается от довольно монолитной группы рассматриваемых сосудов – это более высокий кубок, тулово которого украшено не двумя, а тремя рядами фасеток. Прямых аналогий ему нам не известно, и, вероятно, он занимает промежуточное положение между собственно кубками IB и рассматриваемыми сосудами.

Миоркань, погр. 1 (рис. 10,2). В 1966 г. во время проведения строительных работ (благодаря которым памятник был обнаружен) найдено разрушенное погребение, материалы которого до сих пор в полной мере не введены в научный оборот.

В краткой обзорной статье о могильнике Миоркань И. Ионица опубликовал пряжку и фибулу из этого погребения и лишь упомянул стеклянный кубок без привязки к погребению [Ionița, 1974, p. 74].

Фибула массивная, так называемого воинского типа, со сплошным приемником иглы, дуговидной, треугольной в сечении дужкой и ромбическими щитками на ножке и головке. Головка фибулы увенчана биконической кнопкой. Длина застежки 4,5 см [Ionița, 1974, p. 86, fig. 1,7]. Фибула подобного облика может быть датирована этапом С3 (325–350/360 гг.). Ближайшая аналогия этой фибуле, отличающаяся лишь незначительными деталями, была найдена в слое того же могильника.

Пряжка из погр. 1 имеет округлую форму рамки с сильным утолщением переднего края (так называемую калачевидную), трапециевидный, расширяющийся к тыльному краю щиток и массивный, круглый в сечении язычок, кончик которого опущен за середину сечения рамки [Ionița, 1974, p. 86, fig. 2,3]. Эти признаки позволяют датировать ее этапом D1.

Сочетание фибулы и пряжки может датировать погребение временем пересечения хронологических фаз, но может иметь и другое объяснение – вещи происходят из разрушенного погребения, а материалы памятника опубликованы лишь выборочно, поэтому быть абсолютно уверенным в достоверности закрытого комплекса не приходится. К тому же, согласно описанию Г. Рау, в погребении находились 2 бронзовые фибулы с подвязной ножкой.

Текуч, погр. 8 (рис. 10,3). Девять погребений были открыты во время строительных работ в 1970–1971 годах. Фотографию кубка из этого памятника впервые опубликовал Г. Рау (кат. № 76) в известной статье 1972 г., посвященной находкам стеклянных сосудов из погребений Висло-Одерского региона. Была дана краткая информация о кубке (указана высота 8 см) и обстоятельства находки: «из разрушенных погребений (1970)» [Rau, 1972, S. 128, fig. 19]. Кубок включен в тип Сакрау II – Ганцков, который датируется началом – серединой IV века. Единственный прямой выход на абсолютную хронологию сосудов этого типа дает ауреус императора Проба (276–283) из погребения в Варпелеве. Однако использование этой монеты в качестве подвески, по мнению Рау, говорит о ее запаздывании [Rau, 1972, S. 128–129].

В 1974 г. Г. Рау изучил находки в румынских музеях и по итогам опубликовал короткую заметку, посвященную непосредственно кубкам из Текуч и Миоркань. Исследователь отнес их к типу Сакрау II и датировал первой половиной (возможно, ближе к середине) IV века. В статье было указано, что сосуд происходит из погр. 8, в котором был найден вместе с гончарной сероглиняной посудой и двупластинчатой фибулой («серебряная фибула с полукруглой головкой и ромбической ножкой»), а высота сосуда составляет 7,6 см. Был указан даже инвентарный номер музея, где сохраняется сосуд. Оба кубка упоминались и в развернутой статье о находках позднеантичных стеклянных сосудов в Карпатском регионе [Rau, 1975a, S. 474].

И наконец, в статье 2008 г. Г. Рау включил отдельным пунктом в каталог находок только сосуд из Миоркань, а в описании в качестве аналогии привел кубок из Текуч, при этом было указано, что он происходит из погр. 3 [Rau, 2008, S. 230].

В 2013 г. материалы могильника Текуч были опубликованы, однако кубок в статье даже не упоминался. Погр. 3 представляет собой трупосожжение, в котором в качестве урны и крышки использовались лепные сосуды, а инвентарь составлял единственный гончарный двуручный кувшин. Богаче оказался инвентарь погр. 8, в котором были найдены две прогнутые подвязные фибулы, пряслице и

6 целых и фрагментированных сосудов [Ciobotaru, 2013, p. 277–278, 280, pl. 4, 8]. Обе фибулы фасетированные, варианта Б по Гороховскому, одна из узкой заготовки, другая из заготовки средней ширины. Фибулы Б1 появляются в черняховской культуре уже на рубеже III и IV вв., а затем в «развитом» IV в. сосуществуют с фибулами Б2 [Гороховский, 1988; Шаров, 1992, с. 197–198].

Резюмируя историю публикаций кубков из Миоркань и Текуч, можно сделать осторожное предположение о первоначальном составе инвентаря этих погребений. Возможно, в описание Г. Рау закралась путаница и упомянутые им две подвязные фибулы из Миоркань, о которых умалчивает Ионица, на самом деле были найдены в погр. 8 могильника Текуч, а фибула, которая по Г. Рау сопровождала кубок из этого погребения, на самом деле является воинской щитковой фибулой из Миоркань, опубликованной И. Ионицей. Хотя настаивать на такой интерпретации, конечно же, не приходится.

Никитень, погр. 18 (рис. 10,4). Могильник был обнаружен при строительных работах и исследовался в первой половине 1960-х годов. Среди открытых комплексов богатством и разнообразием инвентаря выделяется погр. 18, опубликованное в 2011 г., в котором помимо стеклянного кубка были также найдены керамические сосуды, украшения, пара двупластинчатых фибул, костяной гребень и пряжка [Şovan, 2011].

Автор публикации относит кубок к типу IB3 по Э. Штрауме, а само погребение датирует второй половиной IV – возможно, началом V в. [Şovan, 2011].

К датирующим находкам из комплекса относится округлая пряжка со значительным расширением переднего края рамки и спрямленной тыльной частью («калачевидная»). Язычок из четырехугольной в сечении заготовки загнут за край рамки и достигает середины ее сечения. Такие пряжки появляются в черняховских погребениях «развитого IV века» [Гороховский, 1988, с. 39, рис. 62; Шаров, 1992, с. 176, табл. IV,70; Гопкало, 2011, рис. 30,30,31].

Две практически идентичные фибулы длиной 5,5 см. Пластина над приемником иглы ассиметричная ромбическая, с продольным

ребром. Спинка пластинчатая фасетированная, напоминает спинку черняховских прогнутых подвязных фибул. Пластина над пружиной сегментовидная, украшенная чеканным орнаментом по дуговидному контуру – полукругами и набегающей волной. По ширине она значительно превосходит ширину пластины над приемником.

Малые черняховские двупластинчатые фибулы А.К. Амброз считал синхронными прогнутым подвязным 3-го варианта и воинским и датировал IV веком. Я. Тейрал фактически принял предложенное А.К. Амброзом членение двупластинчатых фибул на малые (4–6 см) и крупные (свыше 6 см). Малые фибулы следует датировать предгуннским временем (С3), а крупные – уже эпохой переселения народов [Tejral, 1992, S. 234, Abb. 5,10,11,15,17,18,21, S. 236, Abb. 5,6,7,9,10, 7,13,16,18].

По форме и декору фибула может быть отнесена к образцу «Спанцов» (С4) по А. Коковскому [Kokowski, 1996], распространенному в основном в западной части ареала культуры Черняхов-Сынтана-де-Муреш. В погр. 4 могильника Курники на Южном Буге подобные фибулы были найдены с кубком типа Ковалк [Магомедов, 1999, с. 105], что наряду с небольшими размерами фибул (50 и 49 мм, у А. Коковского ошибочно указано 68 мм) позволяет датировать их этапом С3.

Костяной гребень с высокой полукруглой спинкой и двумя небольшими выемками принадлежит к типу, характерному для западной части ареала культуры Черняхов-Сынтана-де-Муреш на протяжении всего IV – начала V в. параллельно с бытованием гребней с выделенной спинкой типа III. В качестве примера можно привести погр. 21 могильника Михэлэшень с массивной калачевидной пряжкой, погр. 138 с овальнорамчатой пряжкой с язычком с уступом у основания, погр. 297 и 353 с парами двупластинчатых фибул и т. д. [Şovan, 2005, Pl. 14,2, 15,3, 78B,2, 79,3, 163,1,2, 164,3].

Таким образом, это погребение может датироваться в рамках этапа С3 (325–350/360 гг.).

Барча, погр. 23 (рис. 10,5). Определяя типологическую принадлежность кубка из этого погребения, авторы публикации, с одной стороны, назвали в качестве аналогий ему сосуды из Варпелева и Сакрау II, а с другой – отнесли к варианту IB3 по Э. Штрауме, хотя

норвежская исследовательница, как уже говорилось, различала кубки, объединенные в тип I, и чаши, подобные по пропорциям сосуду из Варпелева. В итоге хронологическая позиция кубка была определена в рамках этапа СЗ [Țau, Nicu, 2013, p. 62–63].

Материалы этого могильника опубликованы выборочно (по категориям находок), но некоторое представление о хроноиндикаторах, сопровождавших кубок, они дают.

В погр. 23 помимо кубка была найдена как минимум одна прогнутая подвязная фибула. Авторы отмечают, что у фибул из погр. 20 и 23 фасетки нанесены на спинку и ножку [Țau, Nicu, 2010, p. 100]. В публикации приведена [Țau, Nicu, 2010, pl. 2,6] соответствующая описанию застежка с широким корпусом (Гороховский Б3), но происходит ли она из погр. 23 или второго комплекса с аналогичной фибулой, сказать невозможно. Пряжка из этого погребения овальнорамчатая, с расширением переднего края и язычком средней длины с уступом у основания (типа: [Țau, Nicu, 2012, pl. 2,2.1]). Также в погребении найден костяной гребень с высокой полукруглой спинкой и двумя небольшими полукруглыми вырезами по бокам [Țau, Nicu, 2011, p. 68], практически идентичный рассмотренному выше экземпляру из Никитень.

Суммарно эти индикаторы указывают, вероятнее всего, на хронологический этап СЗ.

Лазо (Слобозия-Кишкэрень), погр. 36 (рис. 10,6) [Левинский, 1999, с. 149, 151, рис. 31,1–3]. Погребение с западной ориентировкой помимо кубка содержало лишь краснолаковый кувшин [Левинский, 1999, с. 151, рис. 31,3]. Сосуд, вероятно, принадлежит к тому же кругу изделий, что и импортные кувшины из причерноморских черняховских могильников Викторовка II и Коблево, а также их крымские аналогии, которые суммарно могут датировать комплекс в рамках большей части IV – начала V в. [Магомедов, Диденко, 2009, с. 331–332, рис. 4].

Автор публикации А. Левинский не нашел этому сосуду аналогий в черняховской культуре и высказал предположение, что в типологическом отношении он является «промежуточной формой между поздними “Kowalk” и кубками, исходящими из типа “Sakrau II”». Исходя из этого построения, была предложена да-

тировка «где-то в начале последней трети IV в. н.э.» [Левинский, 1999, с. 162].

В статье Г. Гомолки-Фукс, посвященной стеклу черняховской культуры из Румынии и Молдавии, место находки данного сосуда фигурирует как Chișcăreni (Кишкарены или Кишкэрень, кат. № 47). Исследовательница отнесла кубок к типу IB3 по Э. Штрауме [Gomolka-Fuchs, 1999, S. 137].

О.В. Гопкало в статье, посвященной периодизации могильника Лазо, следующим образом определяет хронологические позиции кубка из погр. 36: «Толстостенные кубки с шлифованными овалами, часто вогнутыми, напоминающие сосуды типа Ковалк по Г. Рау, датируются, по мнению Е.Л. Гороховского [Гороховский, 1988, с. 38–41, 44], более поздним временем, чем классические тонкостенные, в пределах “косановской” (325–375) фазы [Гопкало, 2010, с. 213]. Далее киевская коллега называет «стеклянный толстостенный кубок с шлифованными овалами» (единственный на могильнике) в качестве индикатора 2-й хронологической группы погребений, дата которой «вторая четверть – середина IV в.» [Гопкало, 2010, с. 218].

Что касается ссылки на Е.Л. Гороховского, то ее нельзя признать корректной, поскольку Евгений Леонардович вообще не рассматривал низкие массивные кубки с одним рядом крупных овалов на корпусе (как в погр. 36), а говорил о кубках, описанных Э. Штрауме как тип IB. И хотя аналогичный кубок из Боррбю, как уже говорилось, норвежская исследовательница отнесла к этому типу (отметив и своеобразие формы), такая формальная атрибуция представляется ошибочной.

В отношении рассматриваемых сосудов более оправданным выглядит подход Г. Рау, который все низкие массивные сосуды с одним рядом крупных овалов на корпусе относит к типу Варпелев, не разделяя их на чаши и кубки в зависимости от незначительных колебаний пропорций.

Оселивка, погр. 86 (рис. 10,7) [Никитина, 1988, с. 79–80, табл. 48,1]. Г.Ф. Никитина относит этот кубок к «классическому типу Варпелев А» и со ссылкой на Г. Рау датирует первой половиной IV в. [Никитина, 2008, с. 80]. Сосудом «абсолютно аналогичной формы» автор назвала кубок из Текуч [Никитина, 1995, с. 77].

Вместе с кубком была найдена серия черняховских гончарных сосудов и узкогорлая светлоглиняная амфора [Никитина, 1988, с. 79–80, табл. 48,5]. Она может быть отнесена к поздним формам типа Шелов D [Диденко, 2014, с. 35–41], которые, вероятно всего, продолжают бытовать вплоть до начала IV в. включительно [Васильев, Дзиговский, 2001–2002, с. 315–317].

Войтенки, погр. 86/2 (рис. 10,8). В статье, посвященной хронологии могильника (по материалам раскопок 2005–2009 гг.), авторы исследований Э. Шульце и М. Любичев отнесли кубок из этого погребения к варианту IV3 по Э. Шульце и в качестве аналогий назвали сосуды из Боррбю, Текуч и Миоркань. Что касается соотношения с кубками из Варпелева и Сакрау, то исследователи отметили, что их экземпляр по пропорциям и схеме декора имеет с ними «определенную типологическую связь» [Шульце, Любичев, 2012, с. 410, рис. 4,2].

Помимо кубка из погр. 86/2 была опубликована небольшая округлая пряжка с выраженным расширением переднего края («калачевидная») и длинным язычком, опускающимся несколько ниже среднего сечения рамки, свободно свисая и не прижимаясь к ней [Шульце, Любичев, 2012, рис. 10,2]. Этот признак характерен для ременных застежек эпохи переселения народов и в черняховской культуре встречается у экземпляров из комплексов финальной фазы.

Погр. 86/2 перекрывает погр. 86/1, в котором были найдены две серебряные прогнутые подвязные фасетированные фибулы со спинками средней ширины (Гороховский Б26) [Шульце, Любичев, 2012, с. 411, 415].

По результатам сериации авторы выделили две фазы существования могильника. Погр. 86/1 относится к первой фазе, которая соответствует четвертой (Масловской) стадии могильников черняховской культуры по Е.Г. Гороховскому, а вторая фаза – пятой (Журавской) стадии, или ступеням C3/D1 (325–400 гг.) и D1 (325–400 гг.) по Я. Тейралу соответственно [Шульце, Любичев, 2012, с. 415].

Можно отметить, что неопубликованный кубок из погр. 271 (2021) этого же могильника является абсолютно идентичным по форме, орнаментации и размерам с находкой из

могильника Дальний. Более точное сравнение и уточнение его хронологической позиции можно будет сделать после полной публикации нового комплекса из Войтенков.

Проведенный анализ хроноиндикаторов, сопровождающих интересующие нас стеклянные кубки, позволяет наметить предварительные закономерности. Уточнить датировку погребений из Миоркань и Текуч затруднительно до полноценной публикации их инвентаря.

Наиболее ранней находкой следует признать кубок из Оселивки, который может относиться еще к этапу C2/C3 (260–325 гг.), затем следуют находки этапа C3 (325–350/360) из Барчи и Никитень. И наконец, находка из Войтенков (погр. 86 и 271) относится уже к периоду D1 (3550/360–400 гг.). Таким образом, находки из Слобожанщины и Посемья выглядят более поздними, чем экземпляры (по крайней мере, некоторые) из бассейнов Прута и Днестра.

Для дальнейшего уточнения хронологии рассматриваемых кубков (помимо уточнения состава всех комплексов погребального инвентаря) требуется более детальное типологическое исследование, которое может выявить тенденции в эволюции формы сосудов и прояснить их соотношение с кубками из Сакрау и Варпелева. На уровне тенденции можно говорить об эволюции от приземистых к более вытянутым сосудам.

Среди набора круговой посуды можно также довольно уверенно датировать высокий широкогорлый кувшин «левобережного типа» (тип A1-1-1 по Б.В. Магомедову), который автор типологии и другие исследователи отнесли к позднейшим экземплярам конца IV – начала V в. [Магомедов, 1973, с. 81; Рейда, Гейко, 2014, с. 382]. Глиняный чернolощеный кубок также датируется поздним этапом черняховских древностей, схожая форма встречена в погр. 1 Кантемировских курганов, которое датируется также началом эпохи переселения народов [Gorokhovsky, 1992, p. 147, fig. 1,24].

По мнению современных исследователей, проникновение янтарных подвесок грибовидной формы на территорию Восточной Европы связано с продвижениями восточных германцев. В ареале черняховской культуры они известны на могильниках от Подунавья

до востока Днепровского левобережья. После III в. подобные украшения попадают во многие соседние общности Северного Причерноморья и Кавказа. Для черняховской культуры предполагается широкая дата от второй трети III в. практически до ее финала в конце IV в. (С1b-D1) [Мастыкова, 1999, с. 171; Гопкало, 2008, с. 68]

Важное значение для определения датировки погр. 12 имеют традиционные для черняховских древностей следующие хроноиндикаторы.

Фибулы «воинского» типа (тип 7 по О.В. Петраускасу) распространяются в основном в лесостепной зоне между Южным Бугом и Северским Донцом, большинство находок сделано на Среднем Днепре. Подобные миниатюрные застёжки могут быть датированы финалом черняховских древностей второй половины IV – рубежа IV–V веков. Комплексы сопровождалась гребнями с высокими спинками и калачевидными пряжками – Успенка, погр. 1654; Маслово, погр. 87; Косаново, погр. 4-1961; Каборга, погр. 8; Городок [Петраускас, 2010, с. 197–198].

Овальнорамчатые пряжки со значительным расширением переднего края рамки отличаются друг от друга незначительными деталями. У одной пряжки рамка в сечении восьмигранная, а язычок округлый в сечении (рис. 5,2). У другой круглая в сечении рамка и сегментовидный в сечении язычок, изготовленный из прямоугольной в сечении заготовки (рис. 5,3). Эти различия хронологического значения не имеют, демонстрируя лишь стилистические особенности оформления пряжек.

Язычки обеих пряжек широкие – более 6 мм в основании, с выраженными уступами у основания. Язычок первой пряжки по длине достигает среднего сечения переднего края рамки, но не плотно к ней прилегает. Кончик язычка притуплен, оформлен в виде небольшой, ровно срезанной площадки. У второй пряжки кончик язычка опускается ниже среднего сечения и плотно прилегает к рамке. В данном случае эти различия также не несут хронологического значения, оба варианта формы язычка являются хронологически поздними признаками.

Е.Л. Гороховский, автор наиболее детальной и универсальной типологии пряжек черняховской культуры, по форме рамки раз-

личает серии: «В – овальные утолщенные пряжки диаметром в сечении передней части рамки 5 мм и более; Г – округлые толстые “калачевидные” пряжки» [Гороховский, 1988, с. 42]. В нашем случае грань между ними довольно условна. Рамки обеих пряжек хоть и имеют форму овала, но их высота лишь незначительно превосходит ширину и они ближе к круглым калачевидным пряжкам, чем собственно к овальным серии В. Варианты серий различаются по сечению и ширине язычков. В нашем случае это 1в и 3в, где «в» означает ширину язычка.

По Е.Л. Гороховскому пряжки серии Г характерны для IV (Масловской) фазы могильников Черняховской культуры, которая датируется второй половиной IV в. [Гороховский, 1988, с. 44]. Рассматриваемые экземпляры, учитывая морфологию язычков, могут относиться к поздней части этой фазы или уже к началу финальной V фазы черняховской культуры, в которой калачевидные пряжки тоже встречаются (например, очень близкая нашему экземпляру пряжка Г1в в Кантемировке).

Гребни с плечиками относятся к типу III по Томас / Никитиной. Пропорции нашего экземпляра позволяют отнести его к поздним вариантам, датируемым не раньше середины IV в. и вплоть до гуннского времени [Гороховский, 1988, рис. 1; Шишкин, 2002, с. 244].

К редким видам инвентаря для погребального обряда черняховской культуры относятся клинок с вырезами. Сведения, имеющиеся на данный момент, указывают на то, что «клинки с вырезами» были распространены практически на всей территории черняховской культуры, как на правом, так и на левом берегу Днепра, за исключением Западной Украины, где они совершенно неизвестны. Находки «клинков с вырезами» были сделаны на поселениях Пены, Сквородиновка, Ясы-Николина, в погребениях-кремациях (Будешты, погр. 196; Дрегенешть-Олт, погр. 9), в ингумациях могильников Городок / Николаевка, Тыргшору, Петроаселе, в кладе ремесленного инструмента из Калиновки (Одесская обл.), отдельные вещи происходят из зоны черняховской культуры (Картамышево, Карашина, Матронинское, Пастырское, Флерковка, Хотень, Чилиене, Сенча). Большинство таких предметов было обнаружено случайно. На-

ходки к северу в ареале киевской культуры и на Дону единичны и известны в бассейне Десны (Седнев, Севский р-н Брянской обл.) и Дона (Ефремовский р-н Тульской обл. на р. Красивая Меча) [Левада, 2006, с. 195; Радюш, 2014б, с. 232]. Более массовая концентрация «клинков с вырезами» фиксируется в основном в районе Крыма, Северного Кавказа и северо-восточного побережья Черного моря, некоторое их количество, помимо зоны черняховской культуры, найдено в Карпатской котловине. Отдельные экземпляры такого оружия также были обнаружены в Словении, во Франции, на Верхнем и Нижнем Дону, Средней Волге и в Кемеровской области России [Левада, 2006, рис. 4; 2013, рис. 2; Иштванович, Кульчар, 2009, рис. 3] – всего не менее 85 пунктов (рис. 12).

На рукояти клинка почти по всей длине и на самом лезвии сохранились многочисленные следы деревянного тлена. Такие же остатки дерева толщиной до 0,8 см прослеживались практически по всей поверхности оружия во время его расчистки, а также под ним после его снятия со дна погребения. Это, по нашему мнению, указывает на явное наличие ножен при помещении оружия в могилу. Расположение среза дерева в верхней части клинка аналогично фиксируемым в разных погребениях следам дерева, которые демонстрируют довольно длинную рукоять. На экземплярах кинжалов из Крыма и Северо-Восточного Причерноморья часто сохраняется след от узкой полоски дерева, на 3–4 см заходящей на лезвие клинка, но следы какого-бы то ни было перекрестия и заклепок ни разу не были отмечены. Таким образом, верхняя часть лезвия на рассматриваемых клинках никак не закрывалась. Только в двух случаях – в кладе из Лимбарк над Велико Рачно (Словения) и в Чилиене (Румыния) [New Archeological ... , 2003, no. 103] – в хвостовике имелось отверстие для закрепления рукояти. Второе отверстие находилось на 3–4 см ниже перекрестия уже на лезвии, как раз в том месте, где оканчивались деревянные планки у находок из крымских погребений [Храпунов, 2010, рис. 4–7; Контны, Савеля, 2006, с. 146–147, рис. 2, 3, 5, 7].

Недалеко от рукояти клинка найдено плоское латунное кольцо, сомкнутое на концах. Прямая аналогия миниатюрному кольцу

с проволочной скобой для крепления к органической основе происходит из выразительного богатого комплекса финального этапа черняховской культуры – погр. 5 могильника Гавриловка [Сымонович, 1955, с. 300, рис. 14, 1].

Новая находка, учитывая наличие ножен с элементом подвеса, позволяет вновь обратиться к давно продолжающейся дискуссии о функциональном предназначении такого оружия.

Помимо находки в погр. 12 могильника Дальний для черняховских труположений можно отметить и короткий клинок, лежавший вверх острием, из могилы 444 черняховского могильника Тыргшор⁷. Подобный обряд погребения в первую очередь характерен для причерноморских могильников: Дружное, погр. 3 и 87 [Храпунов, 2002, рис. 4, 62, 66], Лучистое, погр. 55, 168 [Айбабин, Хайрединова, 2014, табл. 82], Сувлу-Кая, погр. 6, склеп 10 [Волошинов, Масякин, 2016, рис. 1], Суворово, склеп 30 [Зайцев, 1997, рис. 64], Дюрсо, погр. 500 [Дмитриев, 1979, рис. 9], и др. Отметим и еще ряд фактов, не позволяющих однозначно относить эти клинки к древковому оружию. В погр. 75 могильника Рождественский V [Старостин, 2009, с. 57, рис. 16, 6] клинок лежит возле бедра вниз острием, в обычном для мечей положении. Вдоль плечевой кости вниз острием к ногам клинок был положен в склепе 88 могильника Лучистое [Хайрединова, 1999, рис. 4]. Размещение коротких клинков в могилах эпохи переселения народов, по всей видимости, варьировалось и, скорее, связано с некими ритуалами. Вверх острием лежали лонгсаксы в алеманском погребении Нидерштоцинген [Левада, 2006, рис. 1].

На то, что клинки следует считать именно кинжалами, также указывают и несколько находок, сопровождавшихся «магическими» бусинами-навершиями, найденными рядом или закрепленными на самом черене: в склепе 3 могильника Дружное [Храпунов, 2002, с. 15–16, рис. 72], в погр. 136 могильника Чонград-Кендерфелдек [Иштванович, Кульчар, 2009, с. 144], в могильнике Лехч-Корт [Виноградов, Петренко, 1971, с. 173–174], в склепе в Керчи (1902) [Сокольский, 1954, табл. VIII, 1]. Клинки с вырезами в этих случаях сопровождались бусинами так же, как в ряде случаев они идут в комплекте к длинным мечам. В то же время уже в комплексах конца IV – нача-

ла V в. в Крыму и Северо-Восточном Причерноморье короткие клинки с вырезами часто помещают в погребениях вместе с длинными мечами. Весьма показательно в этом смысле погр. 6 склепа 10 из могильника Сувлу-кая, где обнаружен полный набор вооружения, состоявший из массивного копья и двушипного дротика, длинного меча, умбона щита [Масякин, 2016, рис. 1], в связи с чем наличие в составе комплекса также «клинки с вырезами» в качестве древкового оружия нам представляется крайне сомнительным.

Рубящие удары для клинков длиной 20–35 см с предлагаемым примитивным способом крепления неэффективны. Эксперименты на модели клинка также показали, что при колющих и режущих ударах ладонь, держащая такой «кинжал», может получить серьезные повреждения [Радюш, 2014б, с. 236]. Для боевого древкового оружия также неэффективно и черешковое крепление при значительной длине лезвия, как в случае с экземплярами из Чатыр-Дага и Кишпека. Использование большинства коротких клинков рассматриваемого типа эффективно только в ближнем бою, в рукопашной схватке. Кавалеристам использовать их крайне неудобно [Левада, 2013, с. 181–185].

После расчистки лезвия клинка из погр. 12 могильника Дальний на нем был выявлен дамаскированный орнамент в виде двух параллельных волнистых линий, между ними пара линий, составленных из многочисленных N-образных элементов (рис. 6). Подобный рисунок дамаска встречается на мечах из германского Барбарикума. Изученные хорошо сохранившиеся экземпляры с территории Поднепровья, Северного Причерноморья и Северного Кавказа позволяют заключить, что многие из них изготавливались из обломков длинных мечей [Радюш, 2014б, с. 235–236]. Клинок, найденный в погр. 12 могильника Дальний, подтверждает такие наблюдения. Переделка обломков мечей в эпоху переселения народов фиксируется и в других целях. В гуннское время они, например, использовались для изготовления древкового оружия. Подобные предметы вооружения обычно довольно массивны. В их конструкции используется массивная втулка, часто богато декорированная. Лезвия, в ряде случаев изготовленные из обломков длинных мечей, закреп-

лялись в ней глубоко при помощи заклепок. К. Чарнецкая выделила группу так называемых копий-мечей IV–V вв. [Czarnecka, 2010, S. 111–126], которые известны от Приуралья (Лебедевка) до территории пшеворской культуры в Польше. Подобные экземпляры зафиксированы также на территории Дагестана, Воронежской и Белгородской областей России и в Среднем Поднепровье [Радюш, 2014б, рис. 3].

Оснований датировать кинжалы с вырезами на черняховских памятниках ранним периодом до сих пор нет. Наиболее древними признаются подобные находки из погребений рубежа III–IV вв. в западном Прикаспии [Левада, 2013, с. 174]. Вероятно, традиция использования таких клинков изначально появляется локально не ранее конца III в. и затем широко распространяется по Кавказу и другим территориям лишь в IV веке. Попадание их на территорию черняховской культуры и распространение далее на север может быть связано с ситуацией второй половины IV – начала V в., когда письменные источники фиксируют тесный контакт германцев и народов, живущих к востоку и юго-востоку от них. За пределами Северного Кавказа традиция использования таких клинков прекращается не позднее первой половины V в., однако на ряде могильников на Северо-Западном Кавказе она известна позднее, а в районе от Анапы до Туапсе фиксируется вплоть до VII в., где известны находки в комплексах с геральдической гарнитурой [Левада, 2006, с. 194].

Учитывая вышеописанные факты и новые данные о конструкции находки из могильника Дальний, версия о том, что кинжалы с вырезами были древковым оружием, представляется еще менее доказательной. И, конечно, появилось больше оснований для атрибуции данного типа вооружения именно как кинжалов. По всей вероятности, их помещение в могилы черняховского населения связано с некими ритуалами или этнокультурными особенностями, возможно пришедшими с северокавказским населением во второй половине IV века. Клинок же в нашем случае символизирует, скорее всего, оружие в целом, заменяя полный его набор.

Выводы

Рассмотрев материалы исследованного погребального комплекса, можно достаточно

надежно датировать его финалом черняховской культуры, то есть концом IV – началом V века. Функционирование могильника в это время подтверждается и материалами других погребений, где встречаются «воинские» фибулы, калачевидные пряжки с вытянутым язычком. Погребенный в могиле мужчина вполне мог быть военным предводителем не самого высокого ранга. Однако, учитывая крайнюю редкость случаев помещения оружия в захоронения черняховской культуры, изученное погребение на данное время является уникальным для левобережья Днепра по совокупности признаков: могильная яма глубиной свыше 2 м, сложная конструкция, предметы вооружения, большое количество сопровождающих сосудов, использование целого животного в качестве жертвы, наличие стеклянного кубка. Необходимо отметить и несомненную хронологическую синхронность погр. 12 и расположенного чуть более, чем в километре от могильника «княжеского» погребения в Большом Каменце (так называемые Старосуджанские клады 1918/1927 гг.). Наличие высокостатусных погребений на могильнике, «вождеское» погребение в составе некрополя, непосредственная близость синхронного «княжеского» погребения высшего порядка, находки на поселении, связанные с ювелирным производством, в том числе изделий из серебра и золота, – все это позволяет предполагать нерядовой характер поселения Дальний (Выдрин) и его населения, вероятнее всего связанного с обслуживанием двора одного из предводителей варварского общества на северной окраине черняховского ареала.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Среди причин слабой исследованности погребального обряда на северной границе можно назвать сложности с выявлением грунтовых безурганных некрополей на местности, так как даже распахиваемая поверхность не всегда позволяет с первого раза обнаружить следы погребений. Подобные памятники обычно обнаруживаются во время строительных или сельскохозяйственных работ либо локализуются по остаткам кремационных погребений на поверхности. Вторым фактором является то, что долгое время в научной среде существовало сложившееся в 1960–1990-х гг. неверное представ-

ление о характере местных памятников позднеримского времени – как преимущественно «раннеславянских», «киевских» либо «киевских с черняховским влиянием». Исходя из этого, поиски могильников велись в поймах рек, на донных возвышениях, оставались без внимания удаленные от рек участки террас. Так, были найдены несколько отдельных погребений и небольших могильников, относящихся ко II–III векам. В 1909 г. Д.Я. Самоквасовым был открыт могильник на дюне у д. Шмырево на Сейме в современном Обоянском районе (Курская обл.) [Самоквасов, 1915], а в 1978 г. Е.А. Горюнов исследовал 2 погребения по обряду кремации на этом же памятнике, после чего констатировал отсутствие объектов, относящихся к черняховскому периоду [Горюнов, 1978, с. 21]. В 1963 г. на Замощанской дюне на р. Суджа в Суджанском районе Ю.А. Липкингом были раскопаны три погребения и прослежены следы еще четырех погребений [Липкин, 1979]. Эти раскопки были плохо документированы, но во всяком случае два комплекса с черняховской круговой посудой на могильнике представлены. В 1960–1970-х гг. в Курской области предпринимались попытки систематического целенаправленного обнаружения могильника, но поиск велся в пойменной части долин, ориентируясь на «раннеславянский» погребальный обряд, аналогичный позднестаробульварно-киевской традиции.

² Следы могильников с кремациями позднеримского времени отмечались на некоторых памятниках, известных по разведкам в Курской и Белгородской областях, однако их достоверное определение как могильников возможно только после более тщательных обследований. Возможно, к черняховскому периоду относились и кремации в урнах с монетами императора Коммода, найденные в Рыльске на горе Синайка до революции [Кропоткин, 1961, с. 45].

³ Половозрастные определения выполнены кандидатом исторических наук И.К. Решетовой (ИА РАН) в рамках комплексного антропологического исследования коллекции.

⁴ А.В. Рассказовой (Центр физической антропологии ИЭА РАН) выполнена антропологическая реконструкция по сохранившемуся черепу (готовится к печати).

⁵ Все они имеют обозначения буквами от А до Р (на плане и в таблицах).

⁶ Выражаем искреннюю благодарность доктору исторических наук М.В. Любичеву (ХГУ им. В.Н. Каразина) за информацию о данной неопубликованной находке.

⁷ Вырезы в кинжале в публикации не прослежены, но, судя по фотографии и характеру расположения находки в погребении, их наличие нельзя исключить.

ПРИЛОЖЕНИЯ

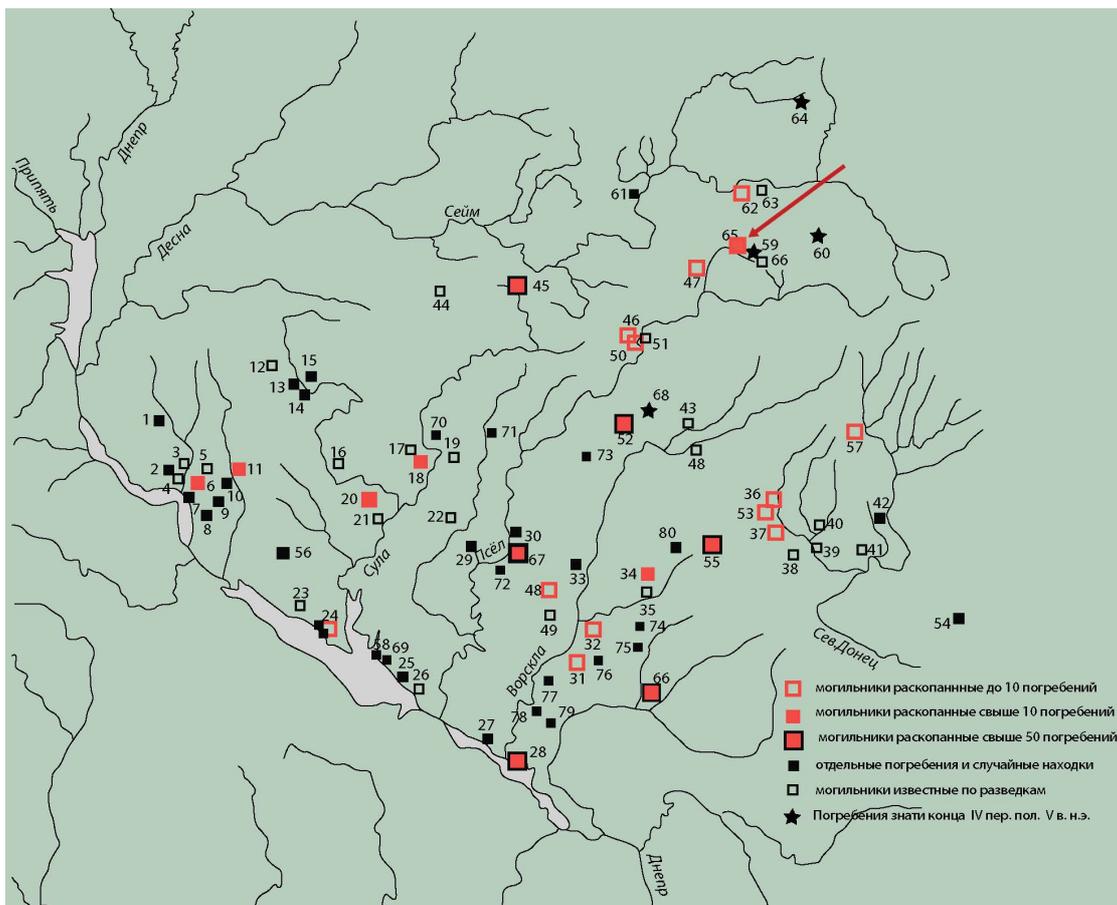

Рис. 1. Могильники и отдельные погребения черняховской культуры и погребения знати раннего этапа эпохи Великого переселения народов на левобережье Днепра и в верховьях Северского Донца:

- 1 – Барышевка; 2 – Цибли; 3 – Гречаники; 4 – Чубуки; 5 – Виненцы; 6 – Переяславль-Хмельницкий; 7 – Стовпяги; 8 – Денисы; 9 – Хоцки; 10 – Малая Каратул'; 11 – Соснова; 12 – Иржево; 13 – Гурбинцы; 14 – Клещи; 15 – Малая Девица; 16 – Белоцерковцы; 17 – Беребинцы; 18 – Лохвица; 19 – Снитин; 20 – Волчек; 21 – Савинский; 22 – Клепачи; 23 – Васютинцы; 24 – Жовнин; 25 – Градизжск; 26 – Максимовка; 27 – Яременки; 28 – Компанийцы; 29 – Ковали; 30 – Барановка; 31 – Писаревка; 32 – Новоселовка; 33 – Ступы; 34 – Кантемировка; 35 – Водяное; 36 – Павлюковка; 37 – Пересечное; 38 – Буды; 39 – Ново-Покровка; 40 – Большая Даниловка; 41 – Мечобелово; 42 – Прелестный; 43 – Березовка; 44 – Великий Самбор; 45 – Успенка; 46 – Сумы; 47 – Замощанская дюна; 48 – Большая Писаревка; 49 – Свинковка; 50 – Сумы (сад); 51 – Сумы; 52 – Боромля; 53 – Родной край 1; 54 – Воронцовка; 55 – Войтенки; 56 – Воронинцы; 57 – Головино 1; 58 – Шушваловка; 59 – Большой Каменец; 60 – Паники; 61 – Рыл'ск (Синайка); 62 – Пены 3; 63 – Дичня; 64 – Волниковка; 65 – Дальний (Выдрин); 66 – Зачепиловка; 67 – Шишаки; 68 – Жигайловка; 69 – Кагамлык; 70 – Зирка; 71 – Ручки; 72 – Ярьські; 73 – Дубяги; 74 – Варваровка; 75 – Климовка; 76 – Огуевка; 77 – Дубина; 78 – Марковка; 79 – Гали (Быльки); 80 – Коломак

Fig. 1. Burial grounds and individual burials of the Chernyakhov culture and burials of the nobility of the early stage of the Great Migration of Peoples era on the left bank of the Dnieper and in the upper reaches of the Seversky Donets:

- 1 – Baryshevka; 2 – Tsibli; 3 – Grechaniki; 4 – Chubuki; 5 – Vinentsy; 6 – Pereyaslavl'-Hmel'nitskiy; 7 – Stovpyagi; 8 – Denisy; 9 – Hotski; 10 – Malaya Karatul'; 11 – Sosnova; 12 – Irzhevo; 13 – Gurbintsy; 14 – Kletsy; 15 – Malaya Devitsa; 16 – Belotserkovtsy; 17 – Berebintsy; 18 – Lohvitsa; 19 – Snitin; 20 – Volchek; 21 – Savinskiy; 22 – Klepachi; 23 – Vasyutintsy; 24 – Zhovnin; 25 – Gradizhsk; 26 – Maksimovka; 27 – Yaremenki; 28 – Kompaniytsy; 29 – Kovali; 30 – Baranovka; 31 – Pisarevka; 32 – Novoselovka; 33 – Stupy; 34 – Kantemirovka; 35 – Vodyanoe; 36 – Pavlyukovka; 37 – Peresechnoe; 38 – Budy; 39 – Novo-Pokrovka; 40 – Bol'shaya Danilovka; 41 – Mechebelovo; 42 – Prelestnyy; 43 – Berezovka; 44 – Velikiy Sambor; 45 – Uспенka; 46 – Sumy; 47 – Zamoshchanskaya dyuna; 48 – Bol'shaya Pisarevka; 49 – Svinkovka; 50 – Sumy (sad); 51 – Sumy; 52 – Boromlya; 53 – Rodnoy kray 1; 54 – Vorontsovka; 55 – Voytenki; 56 – Voronintsy; 57 – Golovino 1; 58 – Shushvalovka; 59 – Bol'shoy Kamenets; 60 – Paniki; 61 – Ryl'sk (Sinayka); 62 – Peny 3; 63 – Dichnya; 64 – Volnikovka; 65 – Dal'niy (Vydrin); 66 – Zachepilovka; 67 – Shishaki; 68 – Zhigaylovka; 69 – Kagamlyk; 70 – Zirka; 71 – Ruchki; 72 – Yares'ki; 73 – Dubyagi; 74 – Varvarovka; 75 – Klimovka; 76 – Oguevka; 77 – Dubina; 78 – Markovka; 79 – Gali (Byliki); 80 – Kolomak

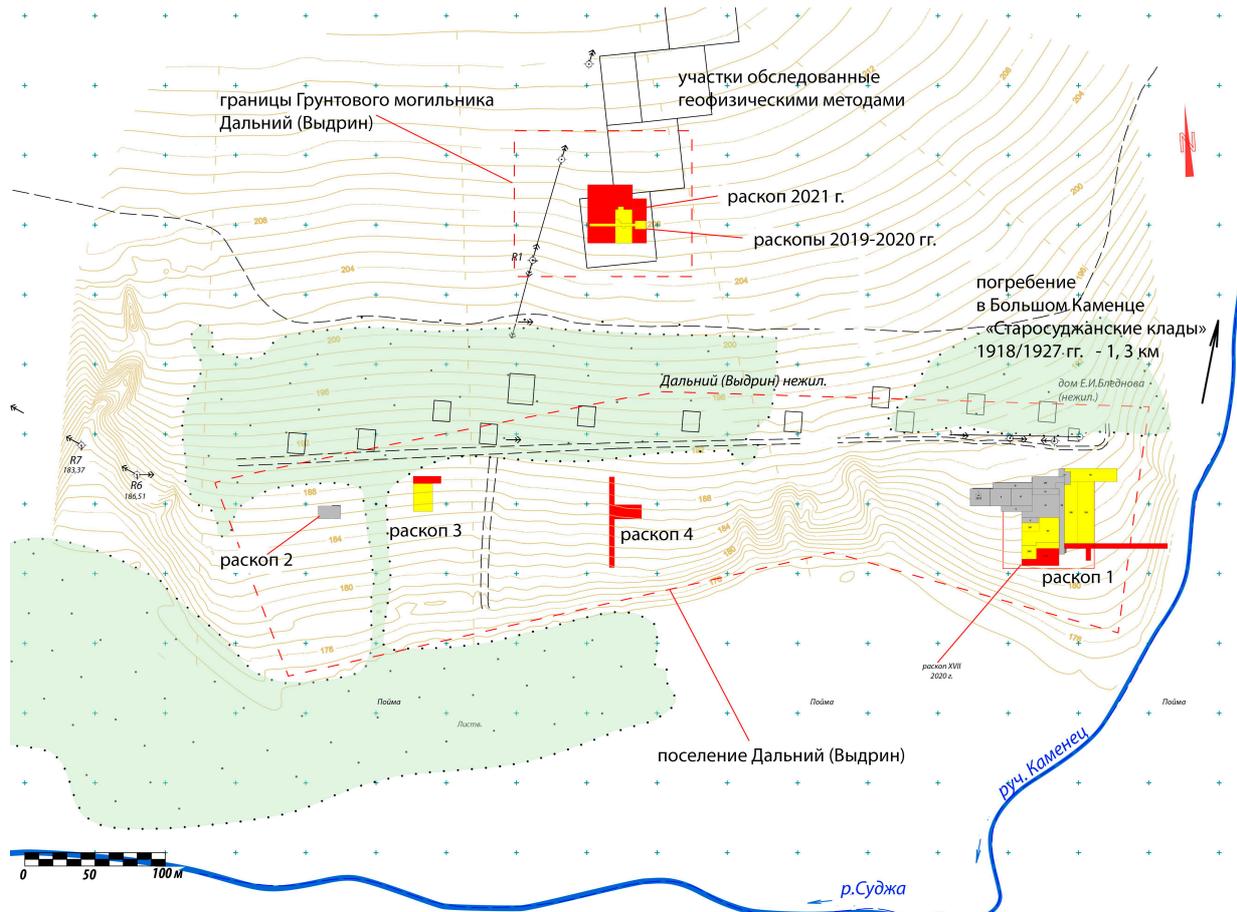

Рис. 2. План поселения и могильника Дальний (Выдрин)
Fig. 2. Plan of the settlement and burial ground Dal'niy (Vydrin)

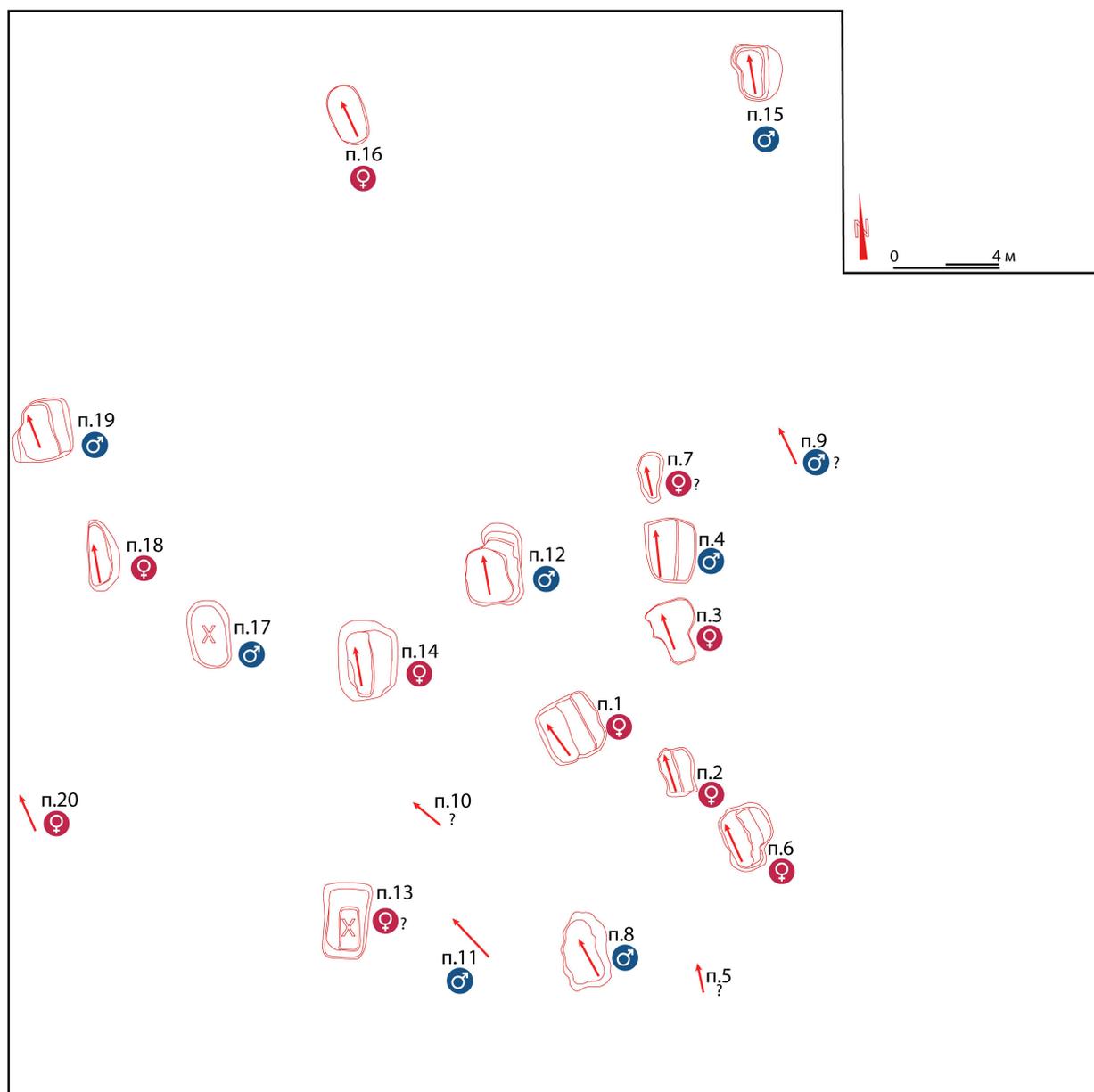

Рис. 3. План раскопанного в 2019–2021 гг. участка могильника Дальний

Fig. 3. Plan of the burial ground Dal'niy excavated in 2019–2021

Рис. 4. Погребение 12:

A–П – керамические сосуды, изготовленные на гончарном круге; *P* – стеклянный кубок; *1* – нож; *3, 4* – иглы; *5* – обоймица от нагайки; *6* – кресало; *7* – фрагмент камня; *8* – янтарная бусина; *9* – гребень; *10* – фибула; *11, 12* – пряжки; *13* – клинок с вырезами; *14* – кольцо для подвешивания ножен

Fig. 4. Burial 12:

A–P – ceramic vessels made on a potter's wheel; *P* – a glass cup; *1* – knife; *3, 4* – needles; *5* – clip from a whip; *6* – fire striker; *7* – fragment of a stone; *8* – amber bead; *9* – comb; *10* – fibula; *11, 12* – buckles; *13* – cutout blade; *14* – ring for hanging the scabbard

Рис. 5. Сопровождающий инвентарь из погребения 12:

1 – гребень (кость, рог); 2, 3 – пряжки; 4 – фибула; 5 – бусина (янтарь); 6, 7 – иглы; 8 – обломок камня; 9 – кресало; 10 – кольцо для крепления ножен (сплав цветного металла); 11 – обоймица от нагайки; 12 – нож (железо)

Fig. 5. Accompanying inventory from burial 12:

1 – comb (bone, horn); 2, 3 – buckles; 4 – fibula; 5 – bead (amber); 6, 7 – needles; 8 – stone fragment; 9 – fire striker; 10 – ring for fastening the scabbard (non-ferrous alloy); 11 – clip from the whip; 12 – knife (iron)

Рис. 6. Клинок с вырезами из погребения 12

Fig. 6. Cutout Blade with from burial 12

Рис. 7. Сосуды, изготовленные на гончарном круге (H, O – миски; M – кувшин, Л – кубок) и стеклянный кубок (P) из погребения 12

Fig. 7. Vessels made on a potter's wheel (H, O – bowls; M – jug; Л – cup) and the glass cup (P) from burial 12

Рис. 8. Сосуды, изготовленные на гончарном круге (А, В, И, К – горшки; Б, Г, Д, Е, Ж, З – миски) из погребения 12

Fig. 8. Vessels made on a potter's wheel (А, В, И, К – pots; Б, Г, Д, Е, Ж, З – bowls) from burial 12

Рис. 9. Ваза, изготовленная на гончарном круге из погребения 12
Fig. 9. The vase made on a potter's wheel from the burial 12

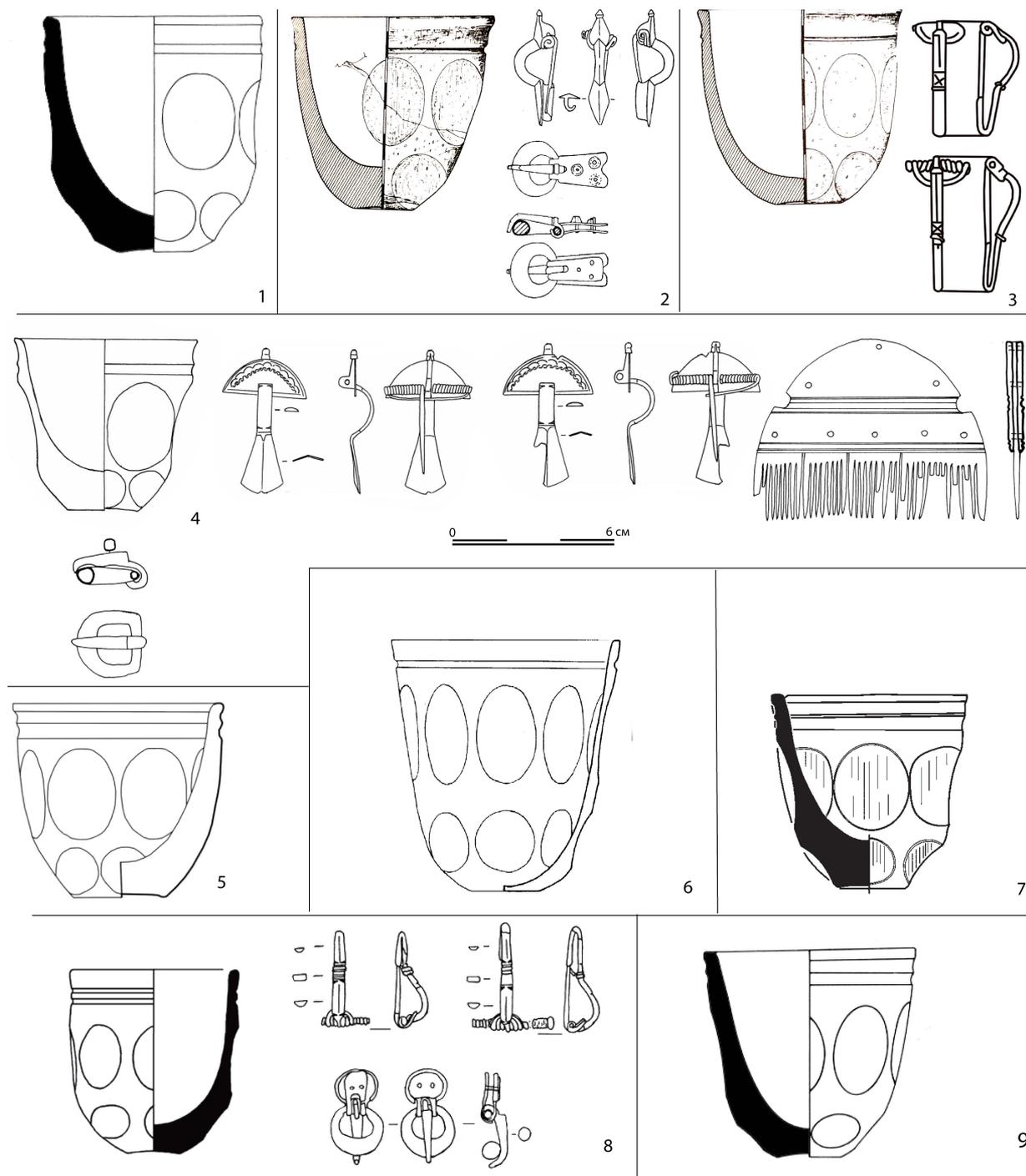

Рис. 10. Аналогии кубку из погребения 12:

1 – Боррбю; 2 – Миоркань (погр. 1); 3 – Текуч (погр. 8); 4 – Никитень (погр. 18); 5 – Барча (погр. 23);
6 – Лазо (погр. 36); 7 – Оселивка (погр. 86); 8 – Войтенки (погр. 86/2); 9 – Родал

Fig. 10. Analogies to the glass cup from burial 12:

1 – Borrby; 2 – Miorcani (burial 1); 3 – Tecuci (burial 8); 4 – Nichiteni (burial 18); 5 – Barcea (burial 23);
6 – Lazo (burial 36); 7 – Oselivka (burial 86); 8 – Voytenki (burial 86/2); 9 – Rådal Rolvsoy

Рис. 11. Находки кубков:

1 – Боррбю; 2 – Миоркань; 3 – Текуч; 4 – Никитень; 5 – Барча; 6 – Лазо; 7 – Оселивка; 8 – Войтенки;
9 – Дальний (Выдрин); 10 – Родал

Fig. 11. Areas of the cups discovery:

1 – Borrbu; 2 – Miorcani; 3 – Tecuci; 4 – Nichiteni; 5 – Barcea; 6 – Lazo; 7 – Oselivka; 8 – Voytenki;
9 – Dal'niy (Vydrin); 10 – Rådal Rolvsøy

Рис. 12. Находки клинков с вырезами (по: [Левада, 2013, рис. 2,4; Радюш, 2014б, рис. 2, с доп.]):

- 1 – Горбуновка; 2 – Городок / Николаевка; 3 – Дрегенешть; 4 – Калиновка; 5 – Каменские Кучугуры; 6 – Карашина; 7 – Галушино (Пастырское); 8 – Картамышево / Каменка; 9 – Виноградовка / Курчи; 10 – Мотронинское; 11 – Пены; 12 – Рудь; 13 – Сенча; 14 – Сквородиновка; 15 – Флерковка; 16 – Ясы-Николина; 17 – Хотень; 18 – Чилиене; 19 – Петроаселе; 20 – Южноукраинск / Грибова скала; 21 – Красивая Меча; 22 – Рождественский V; 23 – Седнев; 24 – Сувлу-Кая; 25 – Алма-Кермен; 26 – Килен-Балка; 27 – Совхоз-10; 28 – Инкерман; 29 – Вишневое; 30 – Суворово; 31 – Озерное; 32 – Ай-Тодор; 33 – Лучистое; 34 – Чатыр-Даг; 35 – Заречье; 36 – Дружное; 37 – Опушки; 38 – Нейзац; 39 – Феодосия; 40 – Заморское; 41 – Сиреневая Бухта; 42 – Керчь-Глинище; 43 – Керчь; 44 – Новокорсунская; 45 – Пашковский; 46 – Сопка Героев; 47 – Молдовановское; 48 – Дюрсо; 49 – Борисово; 50 – Бжид; 51 – Сопино; 52 – Агой-Карповка; 53 – Туапсе; 54 – Курджипский; 55 – Вольный Аул; 56 – Кишпек; 57 – Моздок; 58 – Черноречье-1; 59 – Лехч-Корт; 60 – Харачой; 61 – Большой Буйнакский; 62 – Дербент; 63 – Северо-Восточный; 64 – Рим-Гора; 65 – Лимберк над Велико Рачно; 66 – Кестхей-Фенекпушта; 67 – Веспрем; 68 – Дунай; 69 – Ясберень-Селедюле; 70 – Ясберень; 71 – Чонград-Кендерфолдек; 72 – Миция; 73 – Новочеркасск; 74 – Сент-Ливрад-сюр-Ло; 75 – Флан-сюр-Сен; 76 – Кемеровская обл.; 77 – Лимаревка; 78 – Бельбек IV; 79 – Терновка 2; 80 – Динской; 81 – Деметра II; 82 – Севский район; 83 – Биляр; 84 – Змейское; 85 – Дальний (Выдрин)

Fig. 12. Areas of cutout blades discovery (after: [Levada, 2013, fig. 2,4; Radyush, 2014b, fig. 2, with add.]):

- 1 – Gorbunovka; 2 – Gorodok / Nikolaevka; 3 – Drăgănești; 4 – Kalinovka; 5 – Kamenskie Kuchugury; 6 – Karashina; 7 – Galushchino (Pastyrskoe); 8 – Kartamyshovo / Kamenka; 9 – Vinogradovka / Kurchi; 10 – Motroninskoe; 11 – Peny; 12 – Rud'; 13 – Sencha; 14 – Skovorodinovka; 15 – Flerkovka; 16 – Yasy-Nikolina; 17 – Hoten'; 18 – Chiliene; 19 – Petroasele; 20 – Yuzhnoukrainsk / Gribova skala; 21 – Krasivaya Mecha; 22 – Rozhdestvenskiy V; 23 – Sednev; 24 – Suvlu-Kaya; 25 – Alma-Kermen; 26 – Kilen-Balka; 27 – Sovhoz-10; 28 – Inkerman; 29 – Vishnevoe; 30 – Suvorovo; 31 – Ozernoe; 32 – Ay-Todor; 33 – Luchistoe; 34 – Chatyr-Dag; 35 – Zarech'e; 36 – Druzhnoe; 37 – Opushki; 38 – Neyzats; 39 – Feodosiya; 40 – Zamorskoe; 41 – Sirenevaya Buhta; 42 – Kerch'-Glinishche; 43 – Kerch'; 44 – Novokorsunskaya; 45 – Pashkovskiy; 46 – Sopka Geroev; 47 – Moldovanovskoe; 48 – Dyurso; 49 – Borisovo; 50 – Bzhid; 51 – Sopino; 52 – Agoy-Karpovka; 53 – Tuapse; 54 – Kurdzhipskiy; 55 – Vol'nyy Aul; 56 – Kishpek; 57 – Mozdok; 58 – Chernorech'e-1; 59 – Lekhch-Kort; 60 – Harachoy; 61 – Bol'shoy Buynakskiy; 62 – Dербent; 63 – Severo-Vostochnyy; 64 – Rim-Gora; 65 – Limberk nad Veliko Rachno; 66 – Keszthely-Fenekpuszta; 67 – Veszprém; 68 – Dunay; 69 – Jászberény-Seledyule; 70 – Jászberény; 71 – Csongrád-Kenderfoldek; 72 – Miciya; 73 – Novoчеркасск; 74 – Sainte-Livrade-sur-Lot; 75 – Flins-sur-Seine; 76 – Kemerovskaya obl.; 77 – Limarevka; 78 – Bel'bek IV; 79 – Ternovka 2; 80 – Dinskoy; 81 – Demetra II; 82 – Sevskiy rayon; 83 – Bilyar; 84 – Zmeyskoe; 85 – Dal'niy (Vydrin)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Айбабин А. И., Хайрединова Э. А., 2014. Могильник у села Лучистое. Т. II. Раскопки 1984, 1986, 1991, 1993–1999. Боспорские исследования. Supplementum 14. Симферополь ; Керчь : Крым. отд-ние Ин-та востоковедения НАНУ. 400 с.
- Васильев А. А., Дзиговский А. Н., 2001–2002. Еще раз к хронологии позднейших сарматских древностей Буджака // *Stratum plus*. № 4. С. 315–334.
- Виноградов В. Б., Петренко В. А., 1971. Могильники сарматской эпохи на горе Лехч-Корт // *Советская археология*. № 1. С. 171–180.
- Волошинов В. В., Масыкин В. В., 2016. Германские элементы из некрополя Сувлука // XVI Боспорские чтения : Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования. Керчь : Науч.-исслед. центр истории и археологии Крыма Крымского ФУ им. В.И. Вернадского. С. 119–126.
- Гейко А. В., Рейда Р. М., Сапегін С. В., 2016. Науково-ряттівні розкопки Шишацького могильника // *Старожитності Лівобережного Подніпров'я* – 2016. Київ : ЦП НАНУ. С. 140–149.
- Гопкало О. В., 2008. Бусы и подвески черняховской культуры. Киев : ИА НАНУ. 251 с.
- Гопкало О. В., 2010. К периодизации могильника Слобозия-Кишкэрень в Бессарабии // *Stratum plus*. № 4. С. 211–222.
- Гопкало О. В., 2011. Относительная хронология мужских погребений черняховской культуры. К постановке проблемы // *Черняхівська культура : матеріали і дослідження*. ОІУМ. № 1. Київ ; Луцьк : ІО НПУ ім. М.П. Драгоманова. С. 66–96.
- Гороховский Е. Л., 1988. Хронология черняховских могильников Лесостепной Украины // *Труды V Международного конгресса археологов-славистов*. Т. 4. Киев : Наукова думка. С. 36–46.
- Горюнов Е. А., 1978. Отчет о работе Днепровской левобережной экспедиции Ленинградского отделения Института археологии АН СССР в 1978 году // *Архив ИА РАН*. Р-1. № 7183.
- Диденко С. В., 2014. Хронология светлоглиняных узкогорлых амфор типов Шелов D и F (по материалам погребальных комплексов) // *Черняхівська культура : до 120-річчя від дня народження В.П. Петрова*. ОІУМ. № 4. Київ : ІО НПУ Драгоманова. 236 с.
- Дмитриев А. В., 1979. Погребения всадников и боевых коней в могильнике эпохи переселения народов на р. Дюрсо близ Новороссийска // *Советская археология*. № 4. С. 212–231.
- Зайцев Ю. П., 1997. Охранные исследования в Симферопольском, Белогорском и Бахчисарайском районах // *Археологические исследования в Крыму*. 1994 год. Симферополь : Крым. фил. ИА. С. 102–116.
- Иштванович Э., Кульчар В., 2009. Мечи / кинжалы с боковыми вырезами в карпатском бассейне // *Гунны, готы, сарматы между Волгой и Дунаем*. СПб. : Факультет филологии и искусств СПбГУ. С. 143–151.
- Контны Б., Савеля Д. Ю., 2006. Вооружение из могильника в Килен-балке // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. Вып. XII, ч. 1. Симферополь : Крым. отд-ние ин-та востоковедения им. А.Е. Крымского. С. 129–160.
- Кропоткин В. В., 1961. Клады римских монет на территории СССР. САИ. Вып. Г4-4. М. : Изд-во АН СССР. 119 с.
- Левада М. Е., 2006. Кинжалы типа Хазанов-V в Среднем Поднепровье // *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья*. VII Боспорские чтения. Керчь : Керченська міська друкарня. С. 192–199.
- Левада М. Е., 2013. О влиянии аланских военных традиций на восточногерманские народы // *Крым в сарматскую эпоху*. II в. до н.э. – IV в. н.э. Т. 1. Симферополь ; Бахчисарай : Доля. С. 171–187.
- Левинский А. Н., 1999. Лазо – могильник финальной фазы черняховской культуры в Молдове // *Stratum plus*. № 4. С. 121–166.
- Липкинг Ю. А., 1979. Замошанская дюна под Суджей // *Могильники черняховской культуры*. М. : Наука. С. 5–8.
- Любичев М. В., 2019. Ранняя история днепро-донецкой лесостепи I–V веков : в 2 т. Харьков : Естет-принт. Т. 1. – 268 с. ; Т. 2. – 368 с.
- Любичев М. В., Мызгин К. В., 2014. Южная граница ареала черняховской культуры в Днепро-Донецкой лесостепи: современные представления // *Черняхівська культура*. ОІУМ. № 4. Київ : ІА НАНУ. С. 58–71.
- Магомедов Б. В., 1973. До вивчення черняхівського гончарного посуду // *Археологія*. Вып. 12. С. 80–87.

- Магомедов Б. В., 1999. Черняховский могильник Курники на Южном Буге // *Stratum plus*. № 4. С. 102–120.
- Магомедов Б. В., Диденко С. В., 2009. Краснолаковая керамика в черняховской культуре // *Боспорские исследования*. Вып. XXI. Симферополь : Крым. отд-ние Ин-та востоковедения им. А.Е. Крымского НАНУ; ЦАИ БФ «Деметра». С. 320–349.
- Мастыкова А. В., 1999. О распространении янтарных грибовидных бус-подвесок позднеримского времени на юге Восточной Европы и в Закавказье // *Сто лет черняховской культуре*. Киев : Т-во Археології та Антропології. С. 171–202.
- Масякин В. В., 2016. Германские элементы из некрополя Сувлу-Кая // XVII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования. Керчь : НИЦ истории и археологии Крыма ; ЦАИ БФ «Деметра». С. 119–126.
- Мацулевич Л. А., 1934. Погребение варварского князя в Восточной Европе. Новые находки в верховье реки Суджи. Известия ГАИМК. Вып. 118. М. ; Л. : Гос. соц.-экон. изд-во. 131 с.
- Некрасова А. Н., 2006. Памятники черняховской культуры Днепровского левобережья // *Готы и Рим*. Киев : Стилюс. С. 87–200.
- Никитина Г. Ф., 1988. Могильник у с. Оселивка Кельменецкого района Черновицкой области // *Могильники черняховской культуры*. М. : Наука. С. 5–97.
- Никитина Г. Ф., 1995. Анализ археологических источников могильника Черняховской культуры у села Оселивка. М. : Наука. 230 с.
- Никитина Г. Ф., 2008. Черняховская культура Поднестровья (по результатам анализа археологических источников). М. : ТАУС. 448 с.
- Обломский А. М., 2001–2002. Новый черняховский памятник на территории России // *Stratum plus*. № 5. С. 27–52.
- Петраускас О. В., 2010. Фібули «воїнського типу» черняхівської культури (за матеріалами пам'яток України) // *Археологія і давня історія України*. Вип. 2. Киев : ІА НАНУ. С. 191–208.
- Радюш О. А., 2010. Поселение черняховской культуры у пос. им. Карла Либкнехта (Пены) // *Germania-Sarmatia*. Vol. II. Курск ; Калининград : КГОМА – КОИХМ. С. 111–145.
- Радюш О. А., 2011. Могильник у пос. им. К. Либкнехта // *Черняхівська культура : матеріали досліджень*. ОІУМ. № 1. Киев : ІА НАНУ. С. 233–242.
- Радюш О. А., 2014а. «Княжеская» и «вождеская» культура начала V века в Верхнем Поднепровье: новые исследования и находки // *Краткие сообщения Института археологии*. Вып. 234. С. 234–251.
- Радюш О. А., 2014б. О северной границе распространения так называемых «кинжалов с вырезами» // *Stratum plus*. № 4. С. 231–245.
- Радюш О. А., 2015. Исследования памятников рубежа поздней античности и раннего средневековья (III–V вв. н.э.) в верховьях реки Суджа // *Суджа и суджане в отечественной и зарубежной истории и культуре*. Курск : КГУ. С. 18–39.
- Радюш О. А., 2017. Исследования у деревни Большой Каменец (Курская область) // *Города, поселения, некрополи. Раскопки 2016. Материалы спасательных археологических исследований*. Вып. 19. М. : ИА РАН. С. 152–157.
- Радюш О. А., 2018. Львовско-Фатежская группа памятников финала черняховской культуры в верховьях р. Сейм (Курская обл., Россия) // *Studia Barbarica. Professorovi Andrzejowi Kokowskiemu w 65 Rocznice Urodzin*. T. I. Lublin : UMCS. S. 570–591.
- Радюш О. А., 2019. Северо-восточное пограничье черняховской культуры в России // *Новые археологические проекты: воссоздавая прошлое*. М. : ИА РАН. С. 120–121.
- Рейда Р. Н., Гейко А. В., 2014. Кувшины «левобережного» типа // *Материалы межрегион. науч. конф. «Археология восточноевропейской лесостепи: поиски, находки, проблемы», посвящ. 125-летию первых археол. раскопок под эгидой ИАК в Липецком крае (б. Задонском уезде Воронежской губернии) (20–22 декабря 2013 г., г. Липецк)*. Липецк : ФГБОУ ВПО «ЛГПУ». С. 379–385.
- Самоковасов Д. Я., 1915. Дневник раскопок в окрестностях с. Гочево Обоянского уезда Курской губернии, произведенных в августе 1909 г. М. : Синодальная тип. 40 с.
- Сокольский Н. И., 1954. Боспорские мечи // *Материалы и исследования по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху*. МИА. № 33. М. : Наука. С. 123–196.
- Старостин П. Н., 2009. Рождественский V могильник // *Археология Евразийских степей*. Вып. 9. Казань : Ин-т истории АН РТ. 144 с.

- Сымонович Э. А., 1955. Памятники черняховской культуры Степного Поднепровья // Советская археология. Вып. XXIV. С. 282–316.
- Хайрединова Э. А., 1999. Костюм варваров V в. по материалам могильника у села Лучистое в Крыму // Сто лет черняховской культуре. Киев : Т-во Археології та Антропології. С. 203–231.
- Храпунов И. Н., 2002. Могильник Дружное. Lublin : UMCS. 314 s.
- Храпунов И. Н., 2010. Оружие из могильника Нейзац // Terra Barbarica. Studia ofiarowane Magdalenie Mączuńskiej w 65. rocznicę urodzin. Łódź ; Warszawa : Instytut Archeologii Uniwersytetu Łódzkiego ; Fundacja Uniwersytetu Łódzkiego ; Fundacja Monumenta Archaeologica Barbarica ; Państwowe Muzeum Archeologiczne w Warszawie. S. 535–555.
- Шаров О. В., 1992. Хронология могильников Ружичанка, Косаново, Данчены и проблема датировки черняховской керамики // Петербургский археологический вестник. Вып 1. СПб. : Ойум. С. 158–207.
- Шишкин Р. Г., 2002. Хронологические признаки трехслойных гребней черняховской культуры // Сучасні проблеми археології. Киев : ІА НАНУ. С. 244–245.
- Шульце Э., Любичев М., 2012. Хронология могильника черняховской культуры Войтенки 1 (Восточная Украина) (по материалам раскопок 2005–2009 гг.) // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 3. Тула : Гос. музей-заповедник «Куликово поле». С. 407–463.
- Czarnecka K., 2010. Nietypowe groty włóczni ze schyłku starożytności z ziem polskich // Wiadomości Archeologiczne. T. LXI. Warszawa : Państwowe Muzeum Archeologiczne w Warszawie. S. 111–135.
- Ciobotaru P., 2013. Necropola de la Tecuci, fabrica de ambale metalice // Danubius XXXI. Supliment. In Honorem Nicu Mircea Septuagenarii. Studii și Cercetări privind Arheologia Spațiului Nord-Vest Pontic. Galați : Muzeul de istoria Galați. P. 273–300.
- Gomolka-Fuchs G., 1999. Glaser der Sintana de Mureș-Cernjachov-Kultur aus Rumänien und der Republik Moldavien // Die Sintana de Mures-Cernjachov-Kultur. Akten des Internationalen Kolloquiums in Caputh vom 20. bis 24. Oktober 1995. Bonn : R.Habelt. S. 129–142.
- Gorokhovskiy E., 1992. The Nomad of the South-East Europe at the Beginning of the Middle Ages // Death and Burial. Pre-printed Papers. Vol. 4. York. P. 145–150.
- Ionița I., 1974. Necropola din secolul IV e.n. de la Miorcani (jud. Botoșani) // Cercetări istorice. Vol. V. P. 81–97.
- Kokowski A., 1996. O tak zwanych blaszanych fidulach z polokragla plyta na glowce i rombowa nozka // Studia Gothica I. Lublin : UMCS. S. 153–184.
- Lund Hansen U., 1987. Römischer Import im Norden. Nordiske Fortidsminder. Bd. 10. København : Kongelige nordiske Oldskriftselskab. 488 S.
- New Archaeological Discoveries in South-Eastern Transylvania (Exhibition Catalogue), 2003. Covasna : ANGVSTIA. 88 p.
- Rau G., 1972. Körpergraber mit Glasbeigaben des 4. nachchristlichen Jahrhunderts im Oder-Weichsel-Raum // Acta Praehistorica et Archaeologica. № 3. Berlin : Verlag Marie Leidorf. S. 109–214.
- Rau G., 1975a. Spätantike Glasfunde im Karpatenraum // Beiträge zur Erforschung der römischen Kaiserzeit im östlichen Mitteleuropa. Aufsätze und Forschungsberichte. Marburg-Lahn. S. 464–485.
- Rau G., 1975b. Spätantike Glasbecher vom Typ Sakrau II aus der Moldau // Archäologisches Korrespondenzblatt. Vol. 5. Mainz am Rhein : RGZM. S. 139–141.
- Rau G., 2008. Spätantike Facettschliffgläser in Nord- und Osteuropa // Acta Praehistorica et Archaeologica. № 40. Berlin : Verlag Marie Leidorf. S. 221–240.
- Șovan O.L., 2005. Necropola de tip Sântana de Mureș – Cërneachov de la Mihălășeni (jud. Botoșani). Târgoviște : Cetatea de Scaun. 354 p.
- Șovan O.L., 2011. Necropola din secolele IV–V de la Nichiteni (com. Cotosca, jud. Botosani) // Acta Musei Tutovensis. Vol. 6. P. 67–76.
- Straume E., 1987. Gläser mit Facettenschliff aus skandinavischen Gräbern des 4. und 5. Jahrhunderts n. Chr. Universitetsförlaget. Serie B. Skrifter LXXIII. Oslo : Universitetsförlaget. 158 S.
- Țau S., Nicu M., 2010. Accesorii vestimentare, fibule din necropola de la Barcea cultura Sântana de Mureș-Cernjachov, secolul al IV-lea d. Chr. // Acta Musei Tutovensis. Vol. V. P. 99–115.
- Țau S., Nicu M., 2011. Obiecte de toaletă. Piepteni din necropola birituală de secol IV D. Chr. De la Barcea // Acta Musei Tutovensis. Vol. VI. P. 62–72.

- Țau S., Nicu M., 2012. Accesorii vestimentare catarama din necropola de tip Sântana de Mureș-Černeahov de la Barcea secolul al IV-lea d. Chr. Acta Musei Tutovens. Vol. VII. Bârlad : Editura Sfera. P. 62–72.
- Țau S., Nicu M., 2013. Recipiente de sticlă. Necropola birituală de la Barcea (secolul IV d. Hr.) (jud. Galați) // Acta Musei Tutovens. Vol. VIII. P. 62–72.
- Tejral J., 1992. Einige Bemerkungen zur Chronologie der späten römischen Kaiserzeit in Mitteleuropa // Probleme der relativen und absoluten Chronologie ab Latenezeit bis zum Frumittelalter. Krakov : Secesja. S. 227–247.

REFERENCE

- Aibabin A.I., Haireidinova E.A., 2014. *Mogil'nik u sela Luchistoe. T. II. Raskopki 1984, 1986, 1991, 1993–1995*. [Cemetery near the Village of Luchistoe. Vol. II. Excavations 1984, 1986, 1991, 1993–1995]. Bosporskie issledovaniya. Supplementum 14. Simferopol', Kerch', Crimean Branch of the Institute of Oriental Studies of the National Academy of Sciences of Ukraine NANU. 400 p.
- Vasiliev A. A., Dzigovski A.N., 2001–2002. Eshchyo raz k hronologii pozdneyshih sarmatskih drevnostey Budzhaka [Another Approach Towards Chronology of the Latest Sarmatian Antiquities of Budjak]. *Stratum plus*, no. 4, pp. 315-334.
- Vinogradov V.B., Petrenko V.A., 1971. Mogil'niki sarmatskoy epohi na gore Lekhch-Kort [Cemeteries of the Sarmatian Era on Mount Lekhch-Kort]. *Sovetskaya Archeologiya* [Soviet Archeology], no. 1, pp. 171-180.
- Voloshinov V.V., Masyakin V.V., 2016. Germanskie elementy iz nekropolya Suvlukaya [Germanic Elements from the Suvlu-kaya Necropolis]. *XVI Bosporskie chteniya: Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Issledovateli i issledovaniya* [XVI Bosphorus Readings: Cimmerian Bosphorus and the Barbarian World in Antiquity and the Middle Ages. Researchers and Research]. Kerch', Research Center for the History and Archeology of the Crimea of the Vernadsky CFU, pp. 119-126.
- Geyko A.V., Reyda R.M., Sapegin S.V., 2016. Naukovo-ryativni rozkopki Shishac'kogo mogil'nika [Scientific and Rescue Excavations of the Shishatsky Cemetery]. *Starozhittnosti Livoberezhnogo Podniprov'ya 2016* [Antiquities of the Left Bank of the Dnieper Region 2016]. Kiev, Center of National Academy of Sciences, pp. 140-149.
- Gopkalo O.V., 2008. *Busy i podveski chernyahovskoy kul'tury* [Beads and Pendants of the Chernyakhov Culture]. Kiev, IANANU. 251 p.
- Gopkalo O.V., 2010. K periodizatsii mogil'nika Sloboziya-Kishkeren' v Bessarabii [Towards Periodization of Slobozia-Chișcăreni Necropolis from Bessarabia]. *Stratum plus*, no. 4, pp. 211-222.
- Gopkalo O.V., 2011. Otnositel'naya hronologiya muzhskih pogrebeniy chernyahovskoy kul'tury. K postanovke problemy [Relative Chronology of Male Burials of the Chernyakhov Culture. Formulation of the Problem]. *Chernyahivs'ka kul'tura: materialy i doslidzhennya* [Chernyakhov Culture: Materials and Research]. OIUM, no. 1. Kiev; Luts'k; IIO NPU im. M.P. Dragomanova, pp. 66-96.
- Gorohovskiy E.L., 1988. Hronologiya chernyahovskih mogil'nikov Lesostepnoy Ukrainy [Chronology of the Chernyakhov Cemeteries in the Forest-Steppe Ukraine]. *Trudy V Mezhdunarodnogo kongressa arheologov-slavistov* [Proceedings of the 5th International Congress of Slavic Archaeologists], vol. 4. Kiev, Naukova dumka Publ., pp. 36-46.
- Goryunov E.A., 1978. *Otchet o rabote Dneprovskoy levoberezhnoy ekspeditsii Leningradskogo otdeleniya Instituta arheologii AN SSSR v 1978 godu* [Report on the Work of the Dnieper Left-Bank Expedition of the Leningrad Branch of the Institute of Archeology of the USSR Academy of Sciences in 1978]. *Arkhiv IA RAN*, P-1, no. 7183.
- Didenko S.V., 2014. Hronologiya svetloglinyanyh uzkogorlyh amfor tipov Spelov D i F (po materialam pogrebal'nyh kompleksov) [Chronology of Light Clay Narrow-Necked Amphorae of Shelov D and F Types (Based on the Materials of Burial Complexes)]. *Chernyahivs'ka kul'tura: do 120-richchya vid dnya narodzhennya V.P. Petrova* [Chernyakhiv Culture: To the 120th Anniversary of the Birth of V.P. Petrova]. OIUM, no. 4. Kiev, IANANU. 236 p.
- Dmitriev A.V., 1979. Pogrebeniya vsadnikov i boevykh koney v mogil'nike epohi pereseleniya narodov na r. Dyurso bliz Novorossiyska [The Burials of Horsemen and Battle Horses in the Cemetery at the Durso River near Novorossiysk]. *Sovetskaya Archeologiya* [Soviet Archeology], no. 4, pp. 212-231.
- Zaytsev Y.P., 1997. Ohrannye issledovaniya v Simferopol'skom, Belogorskom i Bahchisarayskom rayonah [Security Research in Simferopol, Belogorsk and Bakhchisaray Regions]. *Arheologicheskie issledovaniya v Krymu. 1994 god* [Archaeological Research in the Crimea. 1994]. Simferopol, Crimean Branch of IA, pp. 102-116.

- Istvánovits E., Kulcsár V., 2009. Mechi / kinzhaly s bokovymi vyrezami v karpatskom bassejne [Swords/Daggers with Side Cuts in the Carpathian Basin]. *Gunny, goty, sarmaty mezhdru Volgoy i Dunaem* [Huns, Goths, Sarmatians Between the Volga and the Danube]. Saint Petersburg, Faculty of Philology and Arts, St. Petersburg State University, pp. 143-151.
- Kontny B., Savelya D. Yu., 2006. Vooruzhenie iz mogil'nika v Kilen-balke [Armament from the Burial Ground in Kilenbalk]. *Materialy po istorii, archeologii i etnografii Tavrii* [Materials on the History of Archaeology and Ethnography of Tavria], iss. XII, pt. 1. Simferopol, Crimean Branch of Institute of Orient Science, pp. 129-160.
- Kropotkin V.V., 1961. *Klady rimskih monet na territorii SSSR* [Hoards of Roman Coins on the Territory of the USSR]. Svod Archeologicheskikh istochnikov, iss. Г4-4. Moscow, AS USSR. 119 p.
- Levada M.E., 2006. Kinzhaly tipa Hazanov-V v Srednem Podneprov'e [Daggers of the Khazanov-V Type in the Middle Dnieper]. *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. VII Bosporskie chteniya* [Bosporus Cimmerian and Barbarian World in the Period of Antiquity and the Middle Ages. VII Bosporan Readings]. Kerch, Kerchens'ka mis'ka drukarnya Publ., pp. 192-199.
- Levada M.E., 2013. O vliyani alanskikh voennykh traditsiy na vostochnogermanskije narody [On the Influence of the Alanian Military Traditions on the East German peoples]. *Krym v sarmatskuyu epohu. II v. do n.e. – IV v. n.e.* [Crimea in the Sarmatian Era. II Century BC – IV Century AD], vol. 1. Simferopol, Bakhchisaray, Dolya Publ., pp. 171-187.
- Levinski A.N., 1999. Lazo – mogil'nik final'noy fazy chernyahovskoy kul'tury v Moldove [Lazo, a Cemetery of the Late Phase of the Chernyakhov Culture in Moldova]. *Stratum plus*, no. 4, pp. 121-166.
- Lipking Y.A., 1979. Zamoshchanskaya dyuna pod Sudzhey [Zamoshchanskaya Dune near Sudzha]. *Mogil'niki chernyahovskoy kul'tury* [Cemeteries of the Chernyakhov Culture]. Moscow, Nauka Publ., pp. 5-8.
- Lyubichev M.V., 2019. *Rannyyaya istoriya dnepro-doneckoy lesostepi I–V vekov* [Early History of the Dnieper-Donets Forest-Steppe of the 1st – 5th Centuries]. In 2 Vol. Kharkiv, Estet-Print Publ. Vol. 1, 268 p.; vol. 2, 368 p.
- Lyubichev M.V., Myzgin K.V., 2014. Yuzhnaya granitsa areala chernyahovskoy kul'tury v Dnepro-Donckoy lesostepi: sovremennye predstavleniya [The Southern Border of the Chernyakhiv Culture Area in the Dnieper-Donetsk Forest-Steppe: Modern Ideas]. *Chernyahivs'ka kul'tura* [Chernyakhov Culture]. OIUM, no. 4. Kiev, IANANU, pp. 58-71
- Magomedov B.V., 1973. Do vivchennya chernyahivs'kogo goncharnogo posudu [To the Study of Chernyakhiv Pottery]. *Arkheolohiya* [Archeology], iss. 12, pp. 80-87.
- Magomedov B.V., 1999. Chernyahovskiy mogil'nik Kurniki na Yuzhnom Buge [The Chernyakhov Cemeteries Kurniki on South Boug]. *Stratum plus*, no. 4, pp. 102-120.
- Magomedov B.V., Didenko S.V., 2009. Krasnolakovaya keramika v chernyahovskoy kul'ture [Red-Lacquer Ceramics in the Chernyakhov Culture]. *Bosporskie issledovaniya* [Bosporan Studies], vol. XXI. Simferopol, Crimean Branch of Institute of Orient Science, CAI of the Demetra Foundation, pp. 320-349.
- Mastykova A.V., 1999. O rasprostraneni yantarnykh gribovidnykh bus-podvesok pozdnerimskogo vremeni na yuge Vostochnoy Evropy i v Zakavkaz'e [On the Distribution of Amber Mushroom-Shaped Beads-Pendants of the Late Roman Period in the South of Eastern Europe and in Transcaucasia]. *Sto let chernyahovskoy kul'ture* [One Hundred Years of Chernyakhov Culture]. Kiev, Association of Archaeologists and Anthropologists, pp. 171-202.
- Masyakin V.V., 2016. Germanskije elementy iz nekropolya Suvlu-Kaya [Germanic Elements from the Suvlu-Kaya Necropolis]. *XVII Bosporskie chteniya. Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Issledovateli i issledovaniya* [XVII Bosporan Readings. Bosporus Cimmerian and Barbarian World in the Period of Antiquity and the Middle Ages. Researchers and Research]. Kerch, Research Center for the History and Archeology of Crimea; CAI of the Demetra Foundation, pp. 119-126.
- Matsulevich L.A., 1934. *Pogrebenie varvarskogo knyazya v Vostochnoy Evrope. Novye nahodki v verhov'e reki Sudzhi* [Burial of a Barbarian Prince in Eastern Europe. New Finds in the Upper Reaches of the Sudzha River]. *Izvestiya GAIMK*, iss. 118. Moscow, Leningrad, Gos. soc.-ekon. izd-vo. 131 p.
- Nekrasova A.N., 2006. Pamyatniki chernyahovskoy kul'tury Dneprovskogo levoberezh'ya [Monuments of the Chernyakhov Culture of the Dnieper Left Bank]. *Goty i Rim* [Goths and Rome]. Kiev, Stylos Publ., pp. 87-200.
- Nikitina G.F., 1988. Mogil'nik u s. Oselivka Kel'menetskogo rayona Chernovitskoy oblasti [Graveyard in the Village Oselivka of the Kelmenets District of the Chernivtsi Region]. *Mogil'niki chernyahovskoy kul'tury* [Cemeteries of the Chernyakhov Culture]. Moscow, Nauka Publ., pp. 5-97.

- Nikitina G.F., 1995. *Analiz arheologicheskikh istochnikov mogil'nika Chernyahovskoy kul'tury u sela Oselivka* [Analysis of the Archaeological Sources of the Burial Ground of the Chernyakhov Culture near the Village of Oselivka]. Moscow, Nauka Publ. 230 p.
- Nikitina G.F., 2008. *Chernyahovskaya kul'tura Podnestrov'ya (po rezul'tatam analiza arheologicheskikh istochnikov)* [Chernyakhov Culture of the Dniester Region (Based on the Analysis of Archaeological Sources)]. Moscow, TAUS Publ. 448 p.
- Oblomskii A.M., 2001–2002. Novyy chernyahovskiy pamyatnik na territorii Rossii [A New Chernyakhov Site in Russia]. *Stratum plus*, no. 5, pp. 27-52.
- Petrauskas O.V., 2010. Fibuli «voins'kogo tipu» chernyahiv's'koi kul'turi (za materialami pam'yatok Ukraïni) [Fibulae of the “Warrior Type” of the Chernyakhiv Culture (Based on the Materials of Monuments of Ukraine)]. *Arheologiya i davnya istoriya Ukrainy* [Archeology and Ancient History of Ukraine], vol. 2. Kiev, IA NASU, pp. 191-208.
- Radyush O.A., 2010. Poselenie chernyahovskoy kul'tury u pos. im. Karla Libknekhta (Peny) [The Settlement of Chernyakhov Culture at the Karl Libknecht (Peny) Town in the Kursk Region]. *Germania-Sarmatia*, vol. II. Kursk, Kaliningrad, Kurskiy gosudarstvennyy oblastnoy muzey arheologii – Kaliningradskiy oblastnoy istoriko-khudozhestvennyy muzey, pp. 111-145.
- Radyush O.A., 2011. Mogil'nik u pos. im. K. Libknekhta [Burial Ground near the Village named after K. Libknecht]. *Chernyahiv's'ka kul'tura: materialy doslidzhen'* [Chernyakhiv Culture: Research Materials]. OIUM, no. 1. Kiev, IA NASU, pp. 233-242.
- Radyush O.A., 2014a. «Knyazheskaya» i «vozhdeskaya» kul'tura nachala V veka v Verhnem Podneprov'e: novye issledovaniya i nahodki [“Princely” and “Leadership” Culture of the Beginning of the 5th Century in the Upper Dnieper Region: New Research and Findings]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii* [Brief Communications of the Institute of Archeology], iss. 234, pp. 234-251.
- Radyush O.A., 2014b. O severnoy granitse rasprostraneniya tak nazyvaemykh «kinzhalov s vyrezami» [On the Northern Extremity of So-Called Daggers with Cutouts]. *Stratum plus*, no. 4, pp. 231-245.
- Radyush O.A., 2015. Issledovaniya pamyatnikov rubezha pozdney antichnosti i rannego srednevekov'ya (III–V vv. n.e.) v verhov'yah reki Sudzha [Studies of Monuments at the Turn of Late Antiquity and the Early Middle Ages (III–V Centuries AD) in the Upper Reaches of the Sudzha River]. *Sudzha i sudzhane v otechestvennoy i zarubezhnoy istorii i kul'ture* [Sudzha and Sudzhane in Domestic and Foreign History and Culture]. Kursk, KSU, pp. 18-39.
- Radyush O.A., 2017. Issledovaniya u derevni Bol'shoy Kamenets (Kurskaya oblast') [Research near the Village of Bolshoy Kamenets (Kursk Region)]. *Goroda, poseleniya, nekropoli. Raskopki 2016* [Cities, Settlements, Necropolises. Excavations 2016]. Materialy spasatel'nykh arheologicheskikh issledovaniy [Materials of Rescue Archaeological Research], iss. 19. Moscow, IA RAS, pp. 152-157.
- Radyush O.A., 2018. L'govsko-Fatezhskaya gruppa pamyatnikov finala chernyahovskoy kul'tury v verhov'yah r. Seym (Kurskaya obl., Rossiya) [Lgovsko-Fatezhskaya Group of Sites of the Final Chernyakhov Culture in the Upper Reaches of the River Seim (Kursk Region, Russia)]. *Studia Barbarica. Professorovi Andrzeiowi Kokowskiemu w 65 Rocznice Urodzin*, vol. I. Lublin, UMCS, S. 570-591.
- Radyush O.A., 2019. Severo-vostochnoe pogranič'e chernyahovskoy kul'tury v Rossii [Northeastern Borderland of the Chernyakhov Culture in Russia]. *Novye arheologicheskie proekty: vossozdavaya proshloe* [New Archaeological Projects: Recreating the Past]. Moscow, IA RAS, pp. 120-121.
- Reyda R.N., Geyko A.V., 2014. Kuvshiny «levoberezhnogo» tipa [Jugs of the “Left-Bank” Type]. *Materialy mezhtregion. nauch. konf. «Arheologiya vostochnoevropeyskoy lesostepi: poiski, nahodki, problemy», posvyashch. 125-letiyu pervykh arheol. raskopok pod egidoy IAK v Lipetskom krae (b. Zadonskom uezde Voronezhskoy gubernii) (20–22 dekabrya 2013 g., g. Lipetsk)* [Materials of the Interregional Scientific Conference “Archeology of the Eastern European Forest-Steppe: Searches, Finds, Problems”, dedicated 125th Anniversary of the First Archaeological Excavations Under the Auspices of the IAC in the Lipetsk Territory (Former Zadonsk District of the Voronezh Province) (December 20–22, 2013, Lipetsk)]. Lipetsk, LSPU, pp. 379-385.
- Samokvasov D. Ya., 1915. *Dnevnik raskopok v okrestnostyakh s. Gochevo Oboyanskogo uezda Kurskoy gubernii, proizvedenykh v avguste 1909 g.* [Diary of Excavations in the Vicinity of the Village of Gochevo, Oboyan District, Kursk Province, Carried out in August 1909]. Moscow, Sinodalnaya tip. 40 p.
- Sokol'skiy N.I., 1954. Bosporskie mechi [Bosporan Swords]. *Materialy i issledovaniya po arheologii Severnogo Prichernomor'ya v antichnyuyu epohu* [Materials and Research on the Archaeology of the Northern Black

- Sea Region in Antiquity]. *Materialy i issledovaniya po arkhologii SSSR*, no. 33. Moscow, Nauka Publ., pp. 123-196.
- Starostin P.N., 2009. *Rozhdestvenskiy V mogil'nik* [Rozhdestvenskiy V Cemetery]. *Arkhologiya Evraziyskikh stepey*, iss. 9. Kazan, Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. 144 p.
- Symonovich E.A., 1955. Pamyatniki chernyahovskoy kul'tury Stepnogo Podneprov'ya [Monuments of the Chernyakhov Culture of the Steppe Dnieper Region]. *Sovetskaya Archeologiya* [Soviet Archeology], vol. XXIV, pp. 282-316.
- Hairedinova E.A., 1999. Kostyum varvarov V v. po materialam mogil'nika u sela Luchistoe v Krymu [Costume of the Barbarians of the 5th Century Based on the Materials of the Burial Ground near the Village of Luchistoye in the Crimea]. *Sto let chernyahovskoy kul'ture* [One Hundred Years of Chernyakhov Culture]. Kiev, Association of Archaeologists and Anthropologists, pp. 203-231.
- Hrapunov I.N., 2002. *Mogil'nik Druzhnoe* [Druzhnoye Cemetery]. Lublin, UMCS. 314 p.
- Hrapunov I.N., 2010. Oruzhie iz mogil'nika Neyzats [Weapons from Neyzats Burial Ground]. *Terra Barbarica. Studia ofiarowane Magdalenie Maczynskiej w 65. rocznicę urodzin*. Łódź, Warszawa, Instytut Archeologii Uniwersytetu Łódzkiego, Fundacja Uniwersytetu Łódzkiego, Fundacja Monumenta Archaeologica Barbarica; Państwowe Muzeum Archeologiczne w Warszawie, s. 535-555.
- Sharov O.V., 1992. Hronologiya mogil'nikov Ruzhichanka, Kosanovo, Dancheny i problema datirovki chernyahovskoy keramiki [Chronology of Ruzhichanka, Kosanovo, Dancheny Burial Grounds and the Problem of Dating Chernyakhov ceramics]. *Peterburskiy archeologicheskiy vestnik* [Petersburg Archaeological Bulletin], iss. 1, pp. 158-207.
- Shishkin R.G., 2002. Hronologicheskie priznaki trekhslonnykh grebney chernyahovskoy kul'tury [Chronological Signs of Three-Layered Ridges of the Chernyakhov Culture]. *Suchasni problemi arheologii* [Modern Problems of Archaeology]. Kiev, IANASU, pp. 244-245.
- Shultze E., Lyubichev M., 2012. Hronologiya mogil'nika chernyahovskoy kul'tury Voytenki 1 (Vostochnaya Ukraina) (po materialam raskopok 2005–2009 gg.). [Chronology of the Burial Ground of the Chernyakhov Culture Voytenki 1 (Eastern Ukraine) (Based on Excavations in 2005–2009)]. *Lesnaya i lesostepnaya zony Vostochnoy Evropy v epohi rimskih vliyaniy i Velikogo pereseleniya narodov. Konferentsiya 3* [Forest and Forest-Steppe Zones of Eastern Europe in the Era of Roman Influences and the Great Migration of Peoples. Conference 3]. Tula, State Museum-Reserve "Kulikovo field", pp. 407-463.
- Czarnecka K., 2010. Nietypowe groty włóczni ze schyłku starożytności z ziem polskich. *Wiadomości Archeologiczne*, T. LXI. Warszawa, Państwowe Muzeum Archeologiczne w Warszawie, s. 111-135.
- Ciobotaru P., 2013. Necropola de la Tecuci, fabrica de ambale metalice. *Danubius XXXI. Supliment. In Honorem Nicu Mircea Septuagenarii. Studii și Cercetări privind Arheologia Spațiului Nord-Vest Pontic*. Galați, Muzeul de istoria Galați, pp. 273-300.
- Gomolka-Fuchs G., 1999. Glaser der Sintana de Mureș-Cernjachov-Kultur aus Rumanien und der Republik Moldavien. *Die Sintana de Mures-Cernjachov-Kultur. Akten des Internationalen Kolloquiums in Caputh vom 20. bis 24. Oktober 1995*. Bonn, R. Habelt, S. 129-142.
- Gorokhovskiy E., 1992. The Nomad of the South-East Europe at the Beginning of the Middle Ages. *Death and burial. Pre-printed Papers*, vol. 4. York, pp. 145-150.
- Ionița I., 1974. Necropola din secolul IV e.n. de la Miorcani (jud. Botoșani). *Cercetări istorice*, vol. V, pp. 81-97.
- Kokowski A., 1996. O tak zwanych blaszanych fidulach z polokragla plyta na glowce i rombowa nozka. *Studia Gothica I*. Lublin, UMCS, S. 153-184.
- Lund Hansen U., 1987. *Römischer Import im Norden. Nordiske Fortidsminder*. Bd 10. København, Kongelige nordiske Oldskriftselskab. 488 S.
- New Archaeological Discoveries in South-Eastern Transylvania (Exhibition Catalogue)*, 2003. Covasna, ANGVSTIA. 88 p.
- Rau G., 1972. Körpergraber mit Glasbeigaben des 4. nachchristlichen Jahrhunderts im Oder-Weichsel-Raum. *Acta Praehistorica et Archaeologica*, no. 3, S. 109-214.
- Rau G., 1975a. Spätantike Glasfunde im Karpatenraum. *Beiträge zur Erforschung der römischen Kaiserzeit im östlichen Mitteleuropa. Aufsätze und Forschungsberichte*. Marburg-Lahn, S. 464-485.
- Rau G., 1975b. Spätkaiserzeitliche glasbecher vom typ Sakrau II aus der Moldau. *Archaologisches Korrespondenzblatt*, vol. 5. Mainz am Rhein, RGZM, S. 139-141.

- Rau G., 2008. Spatantike Facettschliffgläser im Nord- und Osteuropa. *Acta Praehistorica et Archaeologica*, no. 40. Berlin, Verlag Marie Leidorf, S. 221-240.
- Șovan O.L., 2005. *Necropola de tip Sântana de Mureș – Černeachov de la Mihălășeni (jud. Botoșani)*. Târgoviște, Cetatea de Scaun. 354 p.
- Șovan O.L., 2011. Necropola din secolele IV–V de la Nichiten (com. Cotusca, jud. Botosani). *Acta Musei Tutovensis*, vol. 6, pp. 67-76.
- Straume E., 1987. *Gläser mit Facettenschliff aus skandinavischen Gräbern des 4. und 5. Jahrhunderts n. Chr.* Universitetsforlaget. Serie B. Skrifter LXXIII. Oslo, Universitetsforlaget. 158 S.
- Țau S., Nicu M., 2010. Accesorii vestimentare, fibule din necropola de la Barcea cultura Sântana de Mureș-Černjachov, secolul al IV-lea d. Chr. *Acta Musei Tutovensis*, vol. V, pp. 99-115.
- Țau S., Nicu M., 2011. Obiecte de toaletă. Piepteni din necropola birituală de secol IV D. Chr. De la Barcea. *Acta Musei Tutovensis*, vol. VI, pp. 62-72.
- Țau S., Nicu M., 2012. Accesorii vestimentare cataramă din necropola de tip Sântana de Mureș-Černeachov de la Barcea secolul al IV-lea d. Chr. *Acta Musei Tutovensis*. Vol. VII. Bârlad, Editura Sfera, pp. 62-72.
- Țau S., Nicu M., 2013. Recipiente de sticlă. Necropola birituală de la Barcea (secolul IV d. Hr.) (jud. Galați). *Acta Musei Tutovensis*, vol. VIII, pp. 62-72.
- Tejral J., 1992. Einige Bemerkungen zur Chronologie der späten römischen Kaiserzeit in Mitteleuropa. *Probleme der relativen und absoluten Chronologie ab Latenezeit bis zum Frumittelalter*. Krakov, Secesja, S. 227-247.

Information About the Authors

Oleg A. Radyush, Candidate of Sciences (History), Researcher, Department of Archaeology of the Great Migration Period and Early Middle Ages, Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, Dm. Ul'yanova St, 19, 117036 Moscow, Russian Federation, radjush@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0311-7389>

Aleksandr A. Vasil'ev, Candidate of Sciences (History), Independent Researcher, Editorial Chief Correspondent IAUkraine.ru, Pyatnickaya St, 25, Bld. 1, 115326 Moscow, Russian Federation, a.vasilev@ria.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6390-2085>

Информация об авторах

Олег Александрович Радюш, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела археологии эпохи Великого переселения народов и раннего Средневековья, Институт археологии РАН, ул. Д. Ульянова, 19, 117036 г. Москва, Российская Федерация, radjush@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0311-7389>

Александр Александрович Васильев, кандидат исторических наук, независимый исследователь, шеф-корреспондент редакции Украина.ру, ул. Пятницкая, 25, стр. 1, 115326 г. Москва, Российская Федерация, a.vasilev@ria.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6390-2085>